А. А. Маслов

Бусидо. Кодекс чести самурая

Предисловие

Как-то раз один из богатых даймё прислал посыльного к известному воину Хосокаве Сан-саю (XVII в.), прославившемуся своим тонким вкусом в изготовлении доспехов. Посланник должен был заказать у Хосокавы особо изящный боевой шлем, причём такой, который бы поразил своим видом даже искушённых в этих делах самураев. Каково же было удивление приехавшего, когда Хосокава предложил сделать традиционный «рогатый» шлем, изготовив рога из дерева! Самурай был поражён выбором материала – ведь рога обычно выдерживают тяжёлые удары меча, а в случае необходимости и пробивают грудной доспех врага. В ответ на недоуменные вопросы Сансай спокойно объяснил: пусть сломаются рога – лишь бы они не отвлекали внимание воина.

Но ведь каждый раз после сражения придётся долго чинить такой шлем, а как быть, если надо на следующий день вновь идти в бой? И тут Сан-сай по сути определил путь самурая: воин не должен надеяться прожить ещё один день. К тому же «если мысли воина заняты лишь тем, как бы не повредить орнамент на шлеме, как же он может сохранить свою жизнь? Навершие шлема, сломанное в бою, выглядит поистине великолепно. А вот если потеряешь жизнь, её уже никогда не вернёшь».

Услышав это, посланник удалился, не задав больше ни одного вопроса.

Здесь речь идёт об особом нравственном идеале воинской традиции Японии – знаменитом кодексе самурайской чести Бусидо, или «Пути воина». Вероятно, не найдётся ни одной книги о японских боевых искусствах древности и современности, где бы он не упоминался. Но сколь ни разнились бы между собой трактовки Бусидо, все они сходятся в одном – именно Бусидо представляет собой саму душу самурайства, его внутреннюю суть.

Душа Японии

Путь мудреца – почитать
Небо и подражать древности.
Древность и современность проникают друг в друга, поэтому прежние мудрецы передают образцы своего поведения последующим поколениям.
Дун Чжуншу, китайский философ (II в. до н. э.)

«Бусидо» – идеал и реальность
Пути воина

Некоторые вещи настолько постыдны, что не могут быть честными, как, например, месть за обиду, желание человеку зла. Такие вещи следует отбрасывать, с какой бы выгодой или мукой они бы ни связывались.
Эразм Роттердамский. Оружие христианского воина

«Не опоздай встать на путь воина»

Определение Бусидо как «кодекса самурайской чести» не совсем верно. Кодекса как такового не существовало (точнее, существовали десятки не зависимых друг от друга сборников правил поведения самурая), речь можно вести лишь о некоем глобальном идеале самурайской жизни, особом настрое воина. А сам этот идеал, во многом непостоянный и переменчивый, формировался столетиями.

Когда же начала складываться эта доктрина -«Путь воина»? Естественно, точную дату назвать невозможно, но всё же некоторые отправные точки нам известны. В 792 г. в Японии была официально введена система воинского воспитания юношей, названная «Кондэй» («Надёжная молодёжь»). В специальные школы отбирали выходцев из благородных семей, где их в равной степени учили действовать мечом и кистью, т. е. пытались претворить в жизнь извечный идеал японской культуры – «Военное и гражданское сливаются воедино» («бунбо ити»). Идея эта обсуждалась давно. Ещё в правление императора Камму в 782 г. при императорской резиденции в Киото началось строительство монументального здания для специальной школы подготовки профессиональных воинов из числа молодых кугэ, т. е. аристократов. Так возник знаменитый Бутокудэн – «Зал воинских добродетелей», который сохранился (естественно, в реконструированном виде) и по сей день. Пройдя полный курс воинских наук, юноши отправлялись офицерами в войска.

Вскоре представился случай испытать эффективность реформированной армии. Её противником оказался отнюдь не внешний враг, а коренной народ Японских островов – айны. В результате сражений с самураями айны, несмотря на свою отчаянную смелость и немалую воинскую доблесть, оказались оттеснены на самую северную территорию Японии – остров Хоккайдо.

Постепенно совершенствование воинского искусства (постоянные тренировки в бое на мечах, копьях, в стрельбе из лука) становится по сути единственным занятием, которому воины посвящают своё время. А вслед за этим приходит и осознание особого статуса воина – в глазах своих соплеменников он становится носителем высшей истины воинских искусств. Так, в среде воинов возникает и особая идеология, отражавшая сознание своей почти мистической исключительности. Буси уже мало было ощущать себя «суперменами»; они претендовали на решение вопросов, далеко выходящих за рамки боевых искусств (управление территориями, организация земледелия и, наконец, власть в стране). Могло показаться, что наследственная аристократия, которая вела свои родословные едва ли не от богов и духов, вряд ли так легко отдаст власть отчаянным, но неграмотным воинам. Однако страшные битвы, развернувшиеся в Японии в XII – XIII вв., показали всю силу влияния малообразованного, но удивительно активного слоя воинов буси, противостоявшего наследственной аристократии кугэ. Политическая и культурная ситуация оказалась критической: кугэ, столетиями управлявшие государством, показали себя просто не приспособленными к активной жизни в эпоху непрерывных войн. В стране устанавливается чисто военное правление, которое сначала осуществляет Минамото Ёритомо вместе с кланом Ходзё, а позже начинает формироваться особое «военное правительство» – бакуфу.

В этот ранний период существования самурайства сложился особый тип боевой морали, который позже нашёл своё воплощение в неписаном кодексе Бусидо. Эта мораль, выросшая из аристократической культуры кугэ, начисто отвергла не только её утончённость и изысканность, но и нравственные принципы. Возвращение к культуре кугэ

произойдёт ещё не скоро – почти через пять столетий. Пока же Японию ожидали опрощение нравов, примитивизация культурных форм и расцвет боевых искусств – одним словом, всё то, что столь характерно для воинской среды во всех странах мира. Самурайский «кодекс чести» формировался и как своеобразный противовес морали старой аристократии, таким образом, самураи чисто психологически ощущали себя как некий единый институт или социальную группу, связанную общими принципами поведения и даже мышления.

Нравственной основой жизни самурая было выполнение его долга перед своим господином. Этот принцип сформулирован в известных четырёх заповедях. Миямото Мусаси перечислял их в таком порядке:

• Не опоздай встать на Путь воина.

• Стремись быть полезным господину.

• Чти своих предков.

• Поднимись над личными привязанностями и собственными горестями – существуй для других.

Пожалуй, главное в этих принципах – мысль об абсолютной лояльности к своему господину, мастеру, которая в буквальном смысле продолжалась до самой смерти. И даже собственную гибель самурай должен был посвятить господину, уходя из жизни с чувством выполненного долга и не опозорив предков.

Многие правила Бусидо представляли собой просто распространённые высказывания или поговорки, большая часть которых была взята из китайских воинских трактатов или конфуцианских сочинений. Объединяться в компендиумы эти высказывания стали достаточно поздно – не раньше XVII в., а это значит, что идеальный образ благородного, мужественного и преданного самурая возник лишь в поздний период военной истории Японии. Большинство кодексов в определённом смысле копировали китайскую воинскую традицию составления «правил боевой морали» (удэ) и представляли собой в основном предписания известных даймё своим подданным.

Но это – легенда. Скорее всего «Хагакурэ» был создан самураем Ямамото Цунэтомо. Всю жизнь Ямамото преданно служил своему господину, терпел с ним и опалу. И когда его мастер умер, боль утраты была столь сильна, что Ямамото удалился в небольшой горный храм и решил отдать последние почести тому, кому он был так сильно предан. Но как выразить искренность и полноту своих чувств?

И Ямамото Цунэтомо решает написать краткие наставления всем последующим поколениям самураев, чтобы те стремились стать столь же великими воинами, как его господин. Так рождается «Сокрытое в листве». А чуть позже к названию этого произведения стали прибавлять слово «Бусидо»; и в самурайской среде появилось «Хагакурэ Бусидо» – «Путь воина, сокрытый в листве».

Вероятно, Ямамото не столько сам писал текст, сколько компилировал его из высказываний и наставлений, которые бытовали в то время среди самураев. Таким образом, перед нами – не авторское произведение, но отражение особой идеологии, особого мироощущения, идеала воинской традиции.

Но вот парадокс – чаще всего этот идеал расходился с реальными деяниями воинов. К тому же то, что самураям могло казаться вполне приемлемым, человеку западной традиции покажется недопустимым. А поэтому имеет смысл в равной степени рассмотреть как идеальную, так и реальную сторону воинской жизни Японии.

Идеал воина

Влиятельный и образованный даймё Хосокава Сансай (1536 – 1646), один из самых известных коллекционеров оружия, прослыл также большим знатоком чайной церемонии. Он держал у себя дома богатую коллекцию принадлежностей для приготовления чая, состоявшую из самых изысканных и дорогих предметов.

Однажды к Хосокаве пришёл в гости не менее известный самурай Хотта Масамори

(1608 – 1651) и обратился с просьбой показать коллекцию предметов для чайной церемонии. Но Хосокава в течение нескольких часов демонстрировал ему лишь оружие и латы, давая при этом подробные объяснения и отпуская остроумные замечания о технике работы старых мастеров. И ни разу не показал ни одного предмета для чайной церемонии! Откуда такая невежливость – ведь его гость пришёл посмотреть именно на них? Позже сам Хосокава Сансай так объяснил своё поведение: когда один воин посещает другого, они не должны говорить ни о чём, кроме как об оружии и ратных делах.

Воин всегда должен думать лишь о воинском долге, выполнению которого подчинена вся его жизнь, поступки и помыслы.

Поэтому и правила поведения, объединённые под названием «Бусидо», настраивали самурая, во-первых, на совершенствование в боевых искусствах, во-вторых, на преданное служение своему господину. Ямага Соко (1682 – 1785), знаменитый наставник в боевых искусствах и конфуцианских науках, так описывает идеального самурая:

«Занятие самурая заключается в том, чтобы предаваться размышлениям над своим местом в этой жизни; в том, чтобы верно нести службу своему господину, если он имеет такового; в том, чтобы углублять свою преданность друзьям и, с должным вниманием относясь к собственному положению, посвящать себя прежде всего исполнению своего долга. Но в своей жизни самурай неизбежно вовлечён в исполнение обязанностей, связанных с взаимоотношениями между отцом и сыном, старшим и младшим братьями, мужем и женой. Конечно, это является основной моральной обязанностью каждого на этой земле, но крестьяне, ремесленники и торговцы не располагают свободным временем, а поэтому они и не могут постоянно действовать в соответствии с этими обязанностями и служить примером Пути (до). Лишь самурай избавлен от тех хлопот, которые выпадают на долю крестьянина, ремесленника и торговца, и должен занимать себя лишь следованием Пути. И если среди вышеперечисленных трёх групп людей найдётся тот, кто будет выступать против этих моральных принципов, дисциплинированный самурай должен наказать его и тем самым поддержать истинную мораль на земле. Самураю нельзя, зная о военном (бу) и гражданском (бун) началах, не проявлять их. И для этого случая самурай внешне всегда поддерживает себя в состоянии полной готовности выступить на службу по первому зову, а внутренне он стремится осуществить Путь (т. е. моральный принцип. – А. М.), что существует между господином и слугой, двумя друзьями, отцом и сыном, старшим и младшим братьями, мужем и женой. В своём сердце он придерживается пути мира, но снаружи он всегда хранит своё оружие готовым к действию. Три класса обычных людей делают его своим наставником и уважают его. Следуя своему наставнику, они становятся способны понять, что является главным, а что второстепенным.

В этом и заключается «Путь воина» – Бусидо, благодаря которому он зарабатывает себе на еду, одежду и жильё и благодаря которому в его сердце приходит умиротворение и он становится способным до конца выплатить по всем своим обязательствам своему господину и воздать должное своим родителям» [1].

Таким образом, преданность, бесконечное ощущение долга перед своим господином – вот что составляет образ идеального самурая. В самурайских кодексах даже не допускается мысли о перемене хозяина или тем более об измене ему. Японцы вслед за китайцами делили образ человека на внешнее и внутреннее начало. При этом, как явствует из отрывка, внешним для воина было поддержание прекрасной боевой формы, а внутренним – выполнение морального долга. Видна здесь и идея универсального характера деятельности самурая – воин восстанавливает попранную мораль не просто в какой-то провинции или деревне, но «на всей земле», тем самым утверждая всеобщность норм Бусидо.

Многие поклонники японских боевых искусств склонны приписывать понятию «до» («Путь») мистическое значение, с этих позиций трактуя названия таких направлений, как каратэ-до, айкидо, дзюдо и т. д.

Обратим внимание на важную подробность – понятие «Пути» (до) приходит в Бусидо не столько из даосизма или буддизма, сколько именно из китайского конфуцианства. Там «Путь» (дао) обозначал не мистический принцип развития всех вещей, как в даосизме, но гармоничный божественный порядок, некий «Путь нравственного и должного», которому должен следовать каждый благородный муж («цзюньцзы» у Конфуция). А это значит, что положение Бусидо о том, чтобы «служить примером Пути», означает требование строго

придерживаться морально-нравственных принципов, которые воинская культура предъявляла к самураям.

Несложно заметить, что весь приведённый выше отрывок выдержан в духе конфуцианской традиции. Например, пять типов взаимоотношений, о которых говорится в нем (старший – младший, отец – сын, государь – подданный, муж – жена и отношения между друзьями), превратившиеся в канон социальных связей на Дальнем Востоке, вышли из конфуцианства.

Во многом самурайская культура стремилась копировать идеал конфуцианского «благородного мужа», который «без гнева строг», «мало обещает, но много делает», «благороден внешностью и строг нравом». В частности, особо высоко ценилась твёрдость самурайского слова, а нарушение обещания было величайшим позором. В Японии широко распространялись рассказы о том, как самураи, не сумев по каким-то причинам выполнить обещанное, не задумываясь, делали себе харакири. Даже произнесение клятвы считалось чем-то недостойным истинного воина – ведь самурай должен выполнять всё, что он говорит, без всяких дополнительных и тем более письменных клятв.

Чувство собственного достоинства воспитывалось у самураев с детства: уже с пяти-шести лет будущим воинам подробно объясняли, как себя вести, как выполнять свой долг перед господином и даже как правильно одеваться. Многие жесты, движения входили в сознание самурая на уровне рефлексов – отсюда столь характерная «горделивая осанка» воинов.

Даже внешность самурая должна была соответствовать всё тому же принципу – служению господину вплоть до своей смерти и готовности в любой момент вступить в бой. Ухоженное лицо, опрятная одежда и даже маникюр (!) имели в своей основе не стремление к «красивости» (показные жесты вообще осуждались Бусидо), а чисто практическое назначение. «Хагакурэ Бусидо» приводит в пример некоего идеального самурая, который каждое утро принимал ванну, брился, душил волосы, стриг ногти, аккуратно шлифовал их пемзой и полировал хвощом (токусой). Так же тщательно ухаживал он за своим оружием: всегда содержал его в чистоте, старательно очищал от ржавчины.

По сути Бусидо регулировал не столько поступки, сколько сами мысли самурая. Основным помыслом воина всегда должно было оставаться желание умереть за своего господина. Вот характерный пассаж их кодекса «Хагакурэ»: «Где бы я ни был – далеко в горном ските или даже похороненным под землёй, везде моим долгом является соблюдение интересов моего господина. В этом – долг каждого человека из Набасимы. Это – позвоночный столб нашей веры, неизменная и вечная истина. Каждое утро настраивай свой разум на то, как правильно умереть. Каждый вечер освежай свой разум мыслями о смерти… Путь воина (Бусидо) – это путь смерти» [2].

Бусидо во всех его вариантах носил вполне конкретный характер практических наставлений. Он учил воина реагировать на ту или иную ситуацию в соответствии с традиционными представлениями о долге. Например, чувство мести считалось вполне отвечающим традиционной морали. Один из кодексов Бусидо давал такое наставление: «Самурай, имя которого осталось неизвестным, был однажды оскорблён. Не сумев оружием защитить свою честь, он был лично опозорен. Если случается такое, что требует отмщения, действуйте, не теряя времени, даже если бы это стоило вам жизни. Вы можете потерять жизнь, но честь – никогда. Если вы задержитесь, чтобы обдумать, как лучше отомстить, вы можете не дождаться другого шанса. Считая врагов, вы можете навсегда упустить удобный шанс. Будь против вас хоть тысячи, решительно бросайтесь вперёд, разите каждого, и вы достигнете того, к чему стремитесь».

Западное представление о самураях, сильно идеализированное, рисует образ некоего универсального человека, способного в равной степени прекрасно фехтовать на мечах, управлять горячим боевым скакуном, слагать изящные строфы, составлять аранжировки из цветов и находить философскую глубину в чайной церемонии. В реальности же самурайские правила, сам дух Буси-до устанавливали приоритет именно военного, а не культурного начала. Важнейший воинский кодекс периода Токугавы «Букэ сёхатто» («Уложения о боевых лошадях», или «Княжеский кодекс»), являвшийся стандартом поведения самураев, требовал совершенствоваться в боевых искусствах даже в период мира.

«Необходимо постоянно упражняться в искусстве мира и войны, включая стрельбу из лука и вольтижировку на лошади. С глубокой древности правилом было «практиковать искусство мира левой рукой и искусство войны – правой», и в обеих следует совершенствоваться. Стрельба из лука и вольтижировка являются важнейшими для воина. И хотя оружие зовётся инструментом зла, бывает время, когда всё же следует прибегнуть к нему. И в мирное время мы не должны забывать об опасности войны. И разве не должны мы готовиться к ней?» [1].

Чтобы стал ясен подтекст этого пассажа, напомним, что во времена написания «Букэ сё-хатто» и других знаменитых сборников воинских правил эпоха войн и заговоров давно минула. Япония, объединённая мощной рукой Токугавы Иэясу, пребывала в мире, никаких крупных войн даже и не намечалось, остатки оппозиции были разгромлены в середине XVII в. Самураи, лишённые своего единственного занятия, предавались обычным человеческим слабостям, воздавая должное вину, женщинам и азартным играм. Те, кому удалось получить сравнительно систематическое образование, действительно обратили взоры к изящным искусствам, но таких было меньшинство. Резко падала дисциплина в армиях местных даймё, уменьшалось количество школ кэн-дзюцу, по сути рушилась основная идея, на которой веками держалась самурайская культура. А, следовательно, возникла необходимость напомнить воинам об их основном занятии.

Токугавский сёгунат, придя в XVII в. к власти, сразу же занялся строгой регламентацией жизни каждого сословия, особенно выделяя роль самураев. В 1615 г. сёгун Токугава Иэясу выпускает специально для самураев кодекс «Букэ сёхатто», содержавший 13 статей, в которых точно определялись занятия и формы жизни военной верхушки Японии. Фактически этот кодекс повторял большинство неписаных положений Бусидо. Самураи уже чувствовали себя полными хозяевами страны, причём поведение их было не всегда достойным. Положение становилось столь сложным, что «Княжеский кодекс» напрямую требовал от самураев соблюдения умеренности, ибо «главной причиной разорения княжеств служат чрезмерная приверженность женщинам и азартным играм» [3]. Правила Бусидо в отличие от наших представлений о них не столько говорили о поведении воина в бою, сколько о том, как ему «сохранить лицо» в условиях мира.

В конце периода Эдо особую популярность приобретают романы о подвигах самураев, созданные по мотивам знаменитых произведений. Так, например, эпос «Гэндзи моноготари» (X в.) стал основой для повести «Нисэ Мурасаки Инака Гэндзи» самурая Рютэем Танэхико (1783 – 1843). Повесть разошлась небывалым для Японии тиражом в 10 тыс. экземпляров. Танэхико принадлежал к числу интеллектуальной элиты того времени и был хорошо знаком с воинской жизнью. В его романе самураи сражаются с ниндзя, участвуют в заговорах и без конца убивают друг друга. Главный герой повести принц Мицудзи, сын сёгуна Асикага Ёсимаса, действует как настоящий ниндзя – хитрый,

безжалостный и коварный. Все его действия направлены против некоего весьма хитрого врага, который стремится лишить его права на сёгунский престол. Принц Мицудзи не может стерпеть такой несправедливости. Блестящий знаток боя на мечах и дзю-дзюцу, он, например, выслеживает в «весёлом квартале» шпиона-ниндзя, который работал на его конкурента, и повергает его на землю приёмом дзю-дзюцу.

При этом принц – автор подчёркивает это особо – обладает тонкой, аристократической душой. В повести есть такой эпизод. Как-то к Мицудзи был подослан убийца-ниндзя. Лунной ночью Ми-цудзи в одиночестве упоённо играл на струнном инструменте кото. Момент был прекрасный и романтический. Принц не замечал ничего вокруг, унесённый звуками музыки в даль космических сфер. И тут у него за спиной тихо появился убийца. Далее произошло то, что должно было вызвать у японского читателя восхищение не только самообладанием Мицудзи, но прежде всего соответствием его поведения всем ритуальным нормам: «Не сказав ни слова, загадочный человек, чьё лицо было целиком закрыто, вытащил свой меч. Мицудзи же без малейшего промедления протянул к нему левую руку, в то время как правой продолжал играть на кото. Вошедший, смутившись, вложил свой меч в ножны» [4]. Великий мастер боя Мицудзи сумел остановить убийцу лишь одним жестом, даже не прервав волшебную игру на кото! Мицудзи проявил не только колоссальную силу духа, но и соответствующую ритуальную сдержанность и строгость, абсолютную достаточность действия, что так высоко ценилось в самурайской культуре.

Но каким образом самурай мог сочетать приверженность конфуцианским идеалам гуманности, буддийской концепции милосердия ко всему живому и тонкий эстетизм с жестокостью и даже коварством? В японской культуре выработался достаточно чёткий ответ на этот вопрос: надо проявлять гибкость и воздавать каждому «по заслугам». Примечательно, что, объясняя этот принцип, самураи обращались не к дзэнским заповедям, а к словам самого Конфуция. Проследим, как тонко это делалось, на материале одного из кодексов Бусидо «Уложения в семьдесят статей», созданного в 1480 г. известным даймё Асакура Тосикагэ.

«Знаменитый монах однажды сказал, что тот, кто правит людьми, должен быть подобен двум буддийским божествам – Фудо и Айдзэну. Хотя Фудо держит в руках меч, а Айдзэн – лук со стрелами, эти предметы отнюдь не предназначены для ударов с плеча и стрельбы, но лишь для успокоения злых духов. В сердцах этих божеств живут только сострадание и осмотрительность. Подобно им, правитель самураев должен прежде всего очистить свой собственный путь и лишь затем вознаградить своих преданных вассалов и воинов и уничтожить среди них тех, кто неверен и вероломен. Если вы можете понять разницу между разумным и неразумным, между добром и злом и действовать в соответствии с этим, ваша система поощрений и наказаний может считаться управлением с состраданием. С другой стороны, если ваше сердце полно предрассудков и предубеждений, уже не важно, сколько писаний древних мудрецов вы знаете, – все они превращаются в ничто. Вы можете видеть, что «Речи и суждения» Конфуция содержат следующее высказывание: «Благородный муж, в котором отсутствует стойкость, не может вызывать уважение». Не стоит считать, что понятие «стойкость» означает лишь жёсткость. Самое важное – вести себя таким образом, чтобы жёсткость и снисходительность могли гибко применяться в случае необходимости».

Отрывок весьма примечателен. С одной стороны, речь ведется от лица некоего

буддийского монаха, с другой стороны, в основе рассуждений лежит цитата из Конфуция. Такой буддийско-конфуцианский синкретизм достаточно точно отражает реальную ситуацию и тот настрой, который был характерен для японских воинов. Их мораль, их этика всегда были глубоко конкретными и прагматичными. Конфуцианское человеколюбие и буддийское сострадание являлись не столько целью самурая, сколько рычагами, благодаря которым можно добиться победы в борьбе за власть или подчинить себе других людей.

Миф о самурайском милосердии

В кинофильмах о самураях мы привыкли видеть двух благородных воинов с открытыми лицами, которые вежливо предупреждают друг друга о нападении, долго стоят один перед другим, подняв мечи, а после сражения победитель лично хоронит побежденного, воздавая ему почести как достойному сопернику. Такое тоже встречалось, хотя чаще можно было наблюдать картину прямо противоположную.

Великий фехтовальщик средневековой Японии Мусаси Миямото, не любивший лукавить, говорил о смысле боя просто: «Скрещивая свой меч с мечом противника, не думай о том, рубишь ли ты сильно или слабо, – просто руби и убей врага. Не пытайся рубить сильно и, конечно же, даже не думай о том, чтобы рубить слабо. Твои мысли должны быть заняты лишь тем, как убить врага» [5]. Главное – «убить врага», и ни в одном каноне не сказано, что это необходимо сделать в открытом поединке. Лучший пример – истории о том, как сам Мусаси побеждал своих врагов.

В двадцать один год Мусаси приезжает в императорскую столицу Японии город Киото. Здесь разворачивается его конфликт со знатным семейством Ёсиоки, большинство членов которого были отменными бойцами и служили инструкторами кэн-дзюцу в доме сёгуна Асикага. Причиной конфликта стал давний спор между родами Мусаси и Ёсиока. Некогда сам сёгун пригласил Мусаси Мунисая – отца Миямото – в Киото для показа боевых приемов. Дело в том, что Мунисай отлично владел стальной дубинкой дзиттэ с крюком на конце для захвата меча соперника. Приглашение провинциальной знаменитости, которые в течение многих лет монополизировали в Киото преподавание боевых искусств, вызвало естественное недовольство у Ёсиока Сё, который в тот момент считался лучшим фехтовальщиком Японии и был наставником сёгуна Асикаги Ёсиаки. И именно сёгун отдал приказ, чтобы Ёсиока и «заезжая знаменитость» Мусаси Мунисая померялись силами в трех поединках. Силы мастеров оказались почти равны, однако Ёсиока выиграл лишь один поединок, два же остались за Мунисаем. И тогда сёгун пожаловал ему звание сильнейшего воина Японии. Ёсиоки считали, что выиграть им помешала досадная случайность, и окончательно разрешить эту ситуацию мог лишь Мусаси-младший. Было решено провести, как и раньше, три поединка между Мусаси и представителями Ёсиоки.

За городской стеной в окрестностях Киото в местечке Рэндайно состоялся первый поединок Мусаси Миямото с главой рода Ёсиоки Сэйдзюро. Они яростно бросились друг на друга «словно дракон и тигр». Но все кончилось очень быстро: после первого же удара деревянным клинком (мокуха) со стороны Мусаси, Ёсиока на глазах у всех рухнул наземь и потерял сознание. Мусаси помог ему придти в себя, а ученики уложили раненого на доски и унесли. Травма была очень тяжелой, лишь прием специальных лекарственных средств и купание в горячих минеральных источниках вернули его к жизни. И все же Сэйдзюро решил окончательно забросить фехтование и принять монашеский постриг.

Следующий поединок состоялся с братом поверженного Сэйдзюро – Ёсиока Дэнситиро. Дэнситиро явился на поединок с деревянным клинком длиной около 150 см. Однако Мусаси ловко отобрал у него деревянный клинок и сам нанес им же удар. Дэнситиро рухнул на землю и тотчас умер.

Честь знатного самурайского рода Ёсиоки была сильно задета, и Мусаси вновь получил вызов на бой. Ученики Ёсиока обвинили Мусаси в убийстве и тайно сговорились друг с другом: «Нам не следует выходить с врагом на поединок, поскольку он искушен в фехтование. Лучше придумать какой-нибудь хитроумный план». Решили сделать так: мастер Ёсиока Матаситиро вызвал Мусаси на поединок на мечах за городом в местечке Сагари-мацу. Одновременно несколько сотен его учеников, вооружившись холодным оружием, палками и луками решили неожиданно напасть на Мусаси. Однако Мусаси, прекрасно понимал на что могут пойти его соперники и тщательно подготовился. Прежде всего он отослал своих учеников, сказав им: «Вы в этом деле посторонние, так что бегите

отсюда немедля. Что же до меня, то даже если мои заклятые враги соберут целый отряд, для меня они будут все равно, что плывущие облака в небе. Ничего страшного в этом нет». И как дальше повествует летопись «Хонтё бугэй сёдэн», многочисленные враги Мусаси рассеялись, словно дикие звери, за которыми припустила гончая. В город они вернулись, трясясь от страха.

Позже произошел еще один примечательный случай, который может служить отличной иллюстрацией мифа «о благородном отношении к мечу». В 1612 году противником Мусаси оказался знаменитый воин Сасаки Кодзиро. Дело происходило в городке Огура провинции Будзэн, славившейся своими оружейниками и искусными фехтовальщиками. Сасаки создал школу Ганрю, характеризовавшуюся в том числе приемом цубамэ-гаэси – «контрудар ласточки» за изумительные движения мечом, чем-то напоминающие трепетание хвоста ласточки в полёте. Сасаки владел и одним из самых драгоценных мечей работы мастера Нагамицу из Бундзэн. Этот меч перерубал толстый металлический прут, проходя сквозь него, как сквозь масло, и раскалывал надвое мечи соперников. Словом, Сасаки Кодзиро суждено было стать одним из самых именитых противников Мусаси.

Прибыв в город, Мусаси первым делом обратился к местному даймё Хосокаве Тадаоки, на чьи деньги и содержалась школа Цубамэ-гаёси, с просьбой разрешить сразиться с Сасаки. Разрешение было получено, вызов на поединок принят, бой назначен на восемь часов утра следующего дня. Было определено и место – небольшой островок в нескольких километрах от Огурё.

Накануне Мусаси спокойно отправился пировать в дом своего старого друга Кобаяси Таро Дзаэмона и пропьянствовал там всю ночь. Наступило утро. Сасаки Кодзиро вместе со своими слугами и секундантами прибыл на место. Он прождал почти час, а Мусаси все не было. Сасаки, потеряв терпение, послал гонца за своим противником. Гонцом вызвался быть некий Сато Окинага, который когда-то учился фехтованию у отца Мусаси. Оказывается, Мусаси просто крепко спал после бурной ночи, и Сато Окинаге потребовалось немало усилий, чтобы разбудить его.

Наконец, пробудившись, Мусаси невозмутимо выпил воды из тазика для умывания и неторопливо пошел к лодке.

Сато сел на весла, а Мусаси, наспех подвязав волосы грязным полотенцем и перехватив бумажными лентами рукава кимоно, чтобы не мешали в бою, принялся обстругивать обломок старого весла, пытаясь превратить его в некое подобие меча, – свой меч он «где-то позабыл». Так и не завершив работы и решив, что обструганной рукояти будет вполне достаточно, он вновь заснул в мерно покачивающейся лодке.

Лодка причалила, и великий Мусаси с обломком весла в руках сошел на берег. Кодзиро и его свита, пораженные, взирали на встрепанного и неопрятно одетого Мусаси, у которого даже не было меча. Сам же Мусаси, нимало не смутившись, ринулся с деревяшкой на Кодзиро. Тот едва успел выхватить свой меч и отбросить ножны в сторону. Этот жест был встречен колким замечанием Мусаси: «Правильно, они тебе больше не понадобятся!»

Никто не ожидал, что дуэль будет столь быстротечна. Первым же ударом Сасаки рассек хатимаки на голове Мусаси, но в ответ тотчас получил в ответ сокрушительный удар в голову. Сасаки рухнул ничком, лицом вниз, но собравшись с силами, сделал последний взмах мечом и… рассек подол куртки Мусаси (сусо). После этого он уже не двигался, а из ушей и носа у него хлынула кровь. Мусаси опустился рядом с ним на колени, положил руки на голову и наклонился, чтобы понять, убит ли он. Убедившись, что Сасаки мертв, Мусаси поклонился распростертому телу, его секундантам, и после этого удалился. Хакама сползли, открыв изумленным секундантам и ученикам некоторые интимные части тела великого Миямото Мусаси. Тот же невозмутимо поклонился присутствующим

(самурайский ритуал обязывает!), развернулся и направился обратно к лодке.

Но откуда же возник этот миф о «благородном воине»? Следует осознать, что в западной и японской традиции понятия «благородство» и «честь» могут иметь совсем разное содержание. Для самурая благородство, в частности, заключалось в том, чтобы любой ценой не уронить честь своего рода и господина, а отнюдь не в любезностях и мушкетерской куртуазности по отношению к противнику. Поэтому допускались любые уловки. Мусаси, конечно, не случайно регулярно опаздывает на бой, заставляя противников нервничать, терять самообладание; постоянно демонстрирует презрение к сопернику: он топчет ногами лежащего на земле Ёсиоки, убивает из засады юношу, который ожидает открытого боя, убивает даже тех, кто заведомо слабее его. Это – самурайская культура в чистом виде без мифов и прикрас.

Идеал благородства по отношению к врагу так и оставался идеалом, он существовал в основном оторвано от реальной самурайской жизни. И в то же время составлял ее весьма важную часть – именно из идеалов, мифов и преданий ткалась материя самурайской культуры.

Но разве все эти жестокие убийства не противоречат благородному духу Бусидо?

Не противоречат и не могут противоречить по самой логике японской культуры. В Японии, равно как и в Китае, сложилось особое понимание «гуманности», или «человеколюбия» (япон. – ниндзё, кит. – жэнь), отнюдь не схожее с аналогичным европейским понятием. По конфуцианским представлениям, каждый человек должен выполнять множество ритуальных норм, прежде всего по отношению к своему господину, родителям, друзьям. Как только человек переставал выполнять эти нормы (что считалось признаком утраты необходимых моральных качеств), например, выказывал нелояльность по отношению к своему господину, он как бы переставал быть человеком. А об убийстве нечеловека вряд ли стоит сожалеть.

В японской культуре выше гуманности стоит практицизм. Скажем, намного практичнее добить упавшего и даже сдающегося противника, нежели помиловать его, дабы он не успел прийти в себя и броситься опять в бой.

Отношение к человеческой жизни в традиционной Японии было утилитарным, и все поступки определялись только практическим результатом, а не отвлеченными нормами морали. Так, в XVIII-XIX веках в японских деревнях существовал обычай регулярного детоубийства, который именовался «прореживанием» и сдерживал прирост населения. Делали это отнюдь не из патологической жестокости, а из чисто практических соображений: урожай был небогатым, а крестьянский труд малопроизводительным. Считалось, что намного гуманнее убить ребенка еще в колыбели, нежели обрекать его на голодную смерть.

На государственном уровне жестокость считалась признаком могучей власти, которая карает того, кто «утратил облик человека». Казни проходили обычно при большом стечении народа. Людей зарывали по пояс в землю и убивали, пронзая бамбуковыми палками, четвертовали, варили на медленном огне. Даже самурай мог подвергнуться мучительной пытке и столь же чудовищной смерти. Нередко ниндзя из числа самураев низкого ранга (а именно из этой среды происходило большинство ниндзя) умирали в котлах с кипящей водой.

Самураи рождались и умирали в обстановке чрезвычайной жестокости и умаления

ценности человеческой жизни. Да и что есть жизнь? «Лишь отблеск предутреннего луча в капле росы на листке». За нее не стоит держаться и о ней не надо сожалеть, ценности сама по себе жизнь не представляет. Для самурая намного важнее были мысли не о том, как избежать смерти, но как правильно умереть.

Нередко трупы казненных преступников отдавались самураям на опробование мечей. Впрочем, не только преступников. Например, свод самурайских законов XVII века недвусмысленно предписывал: «Если же лицо низшего сословия, такое, как горожанин или крестьянин, будет виновно в оскорблении самурая речью или грубым поведением, его можно тут же зарубить». Это самурайское право распоряжаться чужой жизнью вошло в историю под названием кирисутэ гомэн – «разрешение зарубить или оставить» [6]. Печально знаменитым стало и разрешение сёгуна Тоэтоми Хи-дэёси «на пробу меча», согласно которому самурай мог опробовать клинок своей новой катаны на любом прохожем.

Характерно, что фольклорные герои японской воинской традиции также поступали на удивление «не по-геройски». Тем не менее рассказы о таких героях распространились в XIV-XVI веках, т. е. тогда, когда законы Бусидо уже сложились.

Посмотрим теперь, какими чертами характера в действительности восхищались японцы во времена расцвета самурайской культуры. В одном из небольших анонимных повествований, которые были широко распространены в народной среде, рассказывается о Минамото-но Ёсицунэ. Ёсицунэ – реальная личность, он принадлежал к роду Гэндзи. В японской традиции Ёсицунэ считается отчаянно храбрым воином, владеющим многими чудесными приёмами будзюцу. О том, как Ёсицунэ узнал секреты воинского искусства, повествует следующая история.

Ёсицунэ захотел стать полновластным правителем Японии. Его вассал и советник Фудзивара Хидэхара заметил, что для этого нужно овладеть всеми секретами боевого ремесла. В далекой земле Эдзогасима (Остров айнов), или Тисима (Тысяча островов) в замке правителя Канэхиры хранится тайная рукопись «Закон будды Дайнити», где изложены самые сокровенные секреты боевых искусств. Ёсицунэ тотчас загорелся идеей заполучить эту рукопись, купил корабль и после долгих приключений причалил к берегам Острова айнов.

Ёсицунэ блестяще играл на флейте, и звуки его музыки так очаровали правителя местных земель Канэхиру, что тот решил посвятить Ёсицунэ в тайны боевых искусств. Но предварительно он потребовал от Ёсицунэ принести «клятву учителя и ученика на семь жизней», т. е. на вечные времена. Ёсицунэ также должен был проходить очищение в реке каждый день по 333 раза утром и вечером, усердно совершенствоваться три года и три месяца, чтобы затем «познать великую истину».

Казалось бы, здесь все происходит по классической самурайской схеме приобщения ученика к истине через абсолютную верность своему учителю. К тому же правитель Канэхира слыл блестящим наставником воинских искусств, и даже чудесные существа тэнгу являлись его учениками. Они и должны были по истечении положенного срока передать Ёсицунэ чудесную книгу об искусстве боя. После чего Канэхира хотел побеседовать со своим учеником с глазу на глаз, дабы «передать важное».

Но герой самурайской традиции Ёсицунэ и не думал учиться, а тем более соблюдать «клятву учителя и ученика на семь жизней». Он очаровал дочь правителя – прекрасную принцессу Асахи, которая выкрала для него священную рукопись. Примечательно, что женщине нельзя было входить в пещеру, где хранились свитки, но Ёсицунэ настоял на том, чтобы принцесса проникла в склеп, хотя знал, что этим она осквернит рукопись и нарушит многие ритуальные предписания. Но такое прегрешение, как и клятвопреступление, ничуть не смутило нашего героя, равно как и страдания девушки.

Как только Ёсицунэ прочел рукопись, все иероглифы исчезли с листов бумаги, а значит, вернуть трактат на место было уже невозможно, правитель сразу бы догадался о проступке Ёсицунэ. «Мужественный» воин решил спастись бегством, бросив свою возлюбленную. Правитель Канэхира безжалостно разорвал принцессу на восемь кусков и выбросил их.

Когда Ёсицунэ рассказал о своих приключениях вассалу Фудзиваре Хидэхирэ, тот решил, что благодаря секретам воинского искусства, которые узнал его господин, род Гэндзи, или Минамото, удержит Японию в своих руках. «Радости не было предела» [7].

Весьма странно выглядят поступки этого героя по отношению к заповедям Бусидо. Перед нами – человек, предавший своего учителя, вор, соблазнитель и в общем-то трус, не решившийся ни разу сразиться со своими преследователями. И тем не менее – это герой, поскольку именно так относится к нему фольклорная традиция. Он победитель – и это оправдывает всё.

В сущности Ёсицунэ поступал точно так же, как и другие полулегендарные герои японской культуры, например, знаменитый Ямато. Не случайно Японию нередко именуют «страной Ямато», а японцев – «народом Ямато» (первоначально народ Ямато был лишь одним из племенных образований). Приключения Ямато изложены в двух важнейших сводах легенд: «Кодзики» («Записи о делах древности», 712 г.) и «Нихон секи» («Анналы Японии», 720 г.). Ямато, вероятно, жил на рубеже I-II веков н. э. и возглавлял одно из самых крупных племенных объединений на территории Японии. Но в мифах все походы, предпринимаемые этим племенем, приписывались одному человеку – Ямато Такэру. Само прозвище «Такэру» («смельчак», «богатырь», «силач») говорит об уважении к этому человеку.

Как же относился Ямато Такэру к своим родственникам и чувству долга? Когда Ямато был еще юношей, его отец царь Кэйко разгневался на старшего сына. Кэйко попросил его привезти из далёких земель двух красавиц себе в наложницы, а сын сам женился на них. И вот младший сын – Ямато Такэру – решил научить старшего «брата сыновней почтительности». Он сам так рассказал об этом: «Когда рано утром брат зашел в отхожее место, я поджидал его. Я напал на него, схватил, убил его, руки-ноги повыдергал, завернул тело в циновку и выкинул» [8]. После этого царь Кэйко решил послать Ямато на переговоры с вождями соседних племен, он и их коварно убил. Однажды, встретившись с силачом Идзумо, Ямато поклялся ему в дружественных чувствах и предложил обменяться мечами. Идзумо согласился, не зная, что Яма-то заранее сделал деревянный меч и повесил его у пояса. Эту деревяшку он и вручил Идзумо, а затем, вызвав его на дуэль, без труда убил.

Практически ни одного своего подвига Ямато не совершил «по самурайским правилам», которые через тысячелетие были оформлены в концепции Бусидо. Конечно, эпические сказания о Ямато начали складываться задолго до того, как на японской земле утвердились идеалы конфуцианства и буддизма. И все же примечательно, что именно этот герой считается прародителем всего японского народа, а в японский лексикон вошёл термин «дух Ямато» как выражение национальных традиций и самурайских идеалов.

Путь воина – путь смерти

Свободный человек менее всего думает о смерти, мудрость же его основана на размышлениях о жизни, а не о смерти.
Бенедикт Спиноза. Этика

Тело камня

Часто ли мы задумываемся о том дне, когда покинем наш суетный мир? Самурай думал над этим всегда, он фактически готовился к смерти с самого раннего возраста. Но надо было ещё уметь покинуть этот мир, чему следовало тщательно и долго обучаться, готовя свой дух к «истинному уходу».

Самурай намеренно искал встречи со смертью, точнее, с ощущением смерти. Он переживал свою смерть десятки, сотни раз, он знал уже это сладостно-томительное ожидание умирания, ухода в инобытие. Самурай при жизни учился умирать, учился постоянно и напряжённо. Он знал и как умереть, и когда умереть. Самурай тщательно ухаживал за своей внешностью, чтобы после смерти его одежды не были в беспорядке и он не подвергся бы насмешкам врагов. Самурай не должен был начинать таких дел, которые не смог бы закончить до заката дня, – иначе, если он погибнет, то предприятие окажется незавершённым, и он, таким образом, нарушит данное кому-то слово.

Бусидо начинался именно с осознания себя мёртвым, чтобы уже ничто не могло остановить его на Пути воина. В этом контексте Бусидо приобретает совсем иной характер – характер Кодекса смерти. Весьма показательно наставление Миямото Мусаси своим последователям:

«Путь воина есть решительное, окончательное и абсолютное принятие смерти, тщательное соблюдение кодекса Бусидо. Самурай обязан следовать Пути воина.

Я нахожу, что сегодня многие пренебрегают этим.

Кто же ответит сейчас: «Что есть Путь воина?»

Никто.

Потому что людские сердца закрыты перед истиной.

Под Путём воина следует понимать смерть».

Для великого Мусаси, равно как и для сотен самураев той эпохи, понятия «истина», «Путь воина» и «смерть» были абсолютно равноценны. Смерть – высшая истина…

Самураю нужно научиться «умереть истинно», т. е. уйти из жизни, следуя предписаниям и ритуалам. Умереть во славу своего господина, во славу своего рода – это ещё не всё. Здесь важно именно само внутреннее переживание смерти воином. Великий фехтовальщик Миямото Мусаси в своих рассуждениях о связи «истинной смерти» с Путём воина заметил: «Конечно, не только самураи, но и монахи, и женщины, и крестьяне, и даже совсем низкородные люди порой с готовностью умирают во имя долга или чтобы избежать позора. Но это всё не то. Воин отличается от этих людей, потому что изучение воинского искусства основано именно на одолении соперника. Добиваясь победы, скрещивая свои мечи с противниками-одиночками или участвуя в битвах, самурай добывает славу не для себя, а для даймё. И в этом – высшая добродетель воинского искусства» [9].

Итак, даже самим фактом своей смерти истинный воин должен был побеждать соперника, а абсолютная преданность мастеру и господину становилась принципом не только жизни, но и смерти всякого самурая. «Хроники дома Тэрао» («Тэраока ки») рассказывают историю о том, как Миямото Мусаси пытался растолковать некоему даймё один из принципов своего воинского искусства, который назывался «тело камня». Сам Мусаси так разъяснял его: «Когда ты, наконец, овладеешь воинским искусством, ты сумеешь уподобить своё тело камню, мириады вещей не смогут коснуться тебя». Даймё никак не мог уяснить, когда, наконец, можно считать, что ты достиг такого «тела камня». И тогда Мусаси пригласил своего ученика Тэрао Риума Сукэ и приказал ему без всяких

объяснений сделать себе харакири. Ученик, не медля ни секунды, вытащил меч, встал на колени и уже поднес остриё к животу. Но в последний момент Мусаси остановил его руку и сказал, обращаясь к даймё: «Вот оно – тело камня».

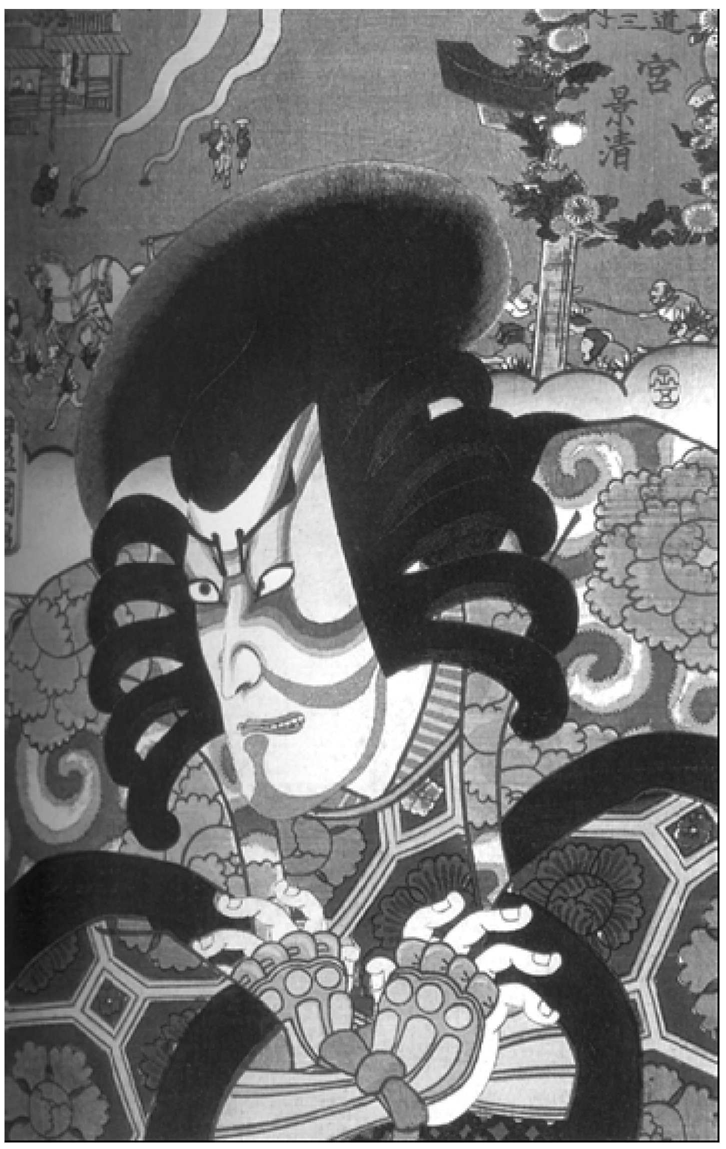
Полная готовность умереть оказывается здесь равной совершенному овладению воинским искусством. Тот же Мусаси объяснял это достаточно просто и недвусмысленно:

«Под Путём воина понимается смерть. Он означает стремление к гибели всегда, когда есть выбор между жизнью и смертью. И ничего более. Это значит прозревать вещи, зная, на что идёшь… В смерти нет стыда. Смерть – самое важное обстоятельство в жизни воина. Если ты живёшь, свыкнувшись с мыслью о возможной гибели и решившись на неё, если думаешь о себе как о мёртвом, слившись с идеей Пути воина, то можешь быть уверен, что сумеешь пройти по жизни так, что любая неудача станет невозможной и ты исполнишь свои обязанности как должно» [9].

Самурай не только должен презирать собственную смерть, но столь же легко относиться и к жизни и смерти других. Классическими стали истории о том, как самураи испытывали новый меч на случайных прохожих. Сам сёгун Тоэтоми Хидэёси лично подписал эдикт о «тамэсигири» – праве самурая «на пробу меча». Конечно, до нас не дошло точных сведений о том, сколько невинных горожан и крестьян пострадало от новоприобретённой катаны. Но ясно, что самураи наносили свой удар ловко и точно, не испытывая при этом ни малейших угрызений совести.

Нам, людям, воспитанным в традициях европейского гуманизма и христианства, такая «проба меча», безусловно, покажется чудовищной жестокостью. Однако в рамках японской культуры она веками считалась вполне нормальной. Разве сама жизнь не есть всего лишь прелюдия к чему-то более высокому, более настоящему – к реальности вечного бытия? И самурая с детства приучали осознавать жизнь как нечто временное, некий случайный всполох в вечности. Это миросозерцание в равной степени может вести и к восхищению мельчайшей подробностью существования, например, предутренней дымкой в полях, которая растает через несколько минут, каплей росы, падающим лепестком, и к пренебрежению жизнью человека – всё равно ей суждено осыпаться, как цветку сакуры.

Психика самурая закаливалась с малых лет. Детство будущего воина было окружено рассказами о подвигах Ямато, других легендарных богатырей. Обязательно звучали нравоучительные истории о преданных самураях, многие из которых совершили харакири ради своего господина.

Его учили сохранять хладнокровие в любой ситуации – даже будучи тяжело раненным, он не должен измениться в лице. Известно, что самураи в жизни редко улыбались, а тем более смеялись – сама роль мужественного воина не позволяла им делать это. Зато умирал самурай с лёгкой улыбкой на лице, радуясь, что выполнил свой долг на этой земле и уходит в сатори.

Уйти с улыбкой

В западной литературе широко распространилось слово «харакири» в качестве обозначения ритуального самоубийства, но всё же правильнее употреблять его синоним «сэппуку». Самурай совершал сэппуку, если господин выражал сомнение в его искренности, если он сам считал себя не выполнившим свой долг или нарушившим ритуал. Классической стала история о том, как два самурая совершили сэппуку лишь потому, что по неосторожности зацепились мечами друг за друга.

С формальной точки зрения сэппуку связано с осознанием «потери лица» – собственного несоответствия ритуальным нормам «гири». Но сам акт сэппуку связан не столько с искуплением вины, сколько с абсолютным очищением, возвращением в лоно нормы поведения.

Японское понятие «хара» дословно обозначает «живот», но имеет при этом и более глубинное значение – «внутреннее начало», «душа», т. е. изначальные природные свойства человека, которые в данном случае противопоставлены внешнему, физическому, искусственному. «Хара» – это также вместилище внутренней энергии «ки» – «киноварное поле» (тандэн), поэтому, например, считается, что во время гнева «хара расширяется», а «покой в хара» равносилен полному умиротворению души.

«Харакири» в своём первом, поверхностном значении переводится как «вскрытие живота», но в японской традиции под ним подразумевается более сложное понятие: «раскрытие внутренних свойств», «выражение душевной искренности». Не случайно считалось, что самурай после харакири, которое он совершал стоя на коленях, должен был упасть обязательно навзничь, чтобы видны были его внутренности. Это символизировало искренность поступка. Падение на живот, ничком понималось как недопустимая скрытность и нарушение эстетической стороны ритуала.

Сэппуку как особый тип самурайского ритуала возникло в эпоху Хэйан (898 – 1185), т. е. в период формирования самурайского корпуса. Долгое время ритуальное самоубийство было исключительной привилегией буси. Поэтому в первый период реформ Мэйдзи 1868 г., когда сэппуку было запрещено, многие самураи сочли себя обделёнными и даже после официального упразднения самурайства как отдельного привилегированного сословия продолжали практику ритуальных самоубийств. Сотни офицеров и солдат японской армии сделали себе харакири, узнав, что император подписал акт о капитуляции Японии во Второй мировой войне.

В научной литературе высказывались мнения, что сэппуку связано с древними шаманистскими верованиями айнов, которые, например, делали особый надрез или соструг с живота деревянной куклы, куда якобы переселялась душа человека. Точного истока ритуала мы не найдём, но по своей внутренней сути ритуал сэппуку явился логическим завершением всего миросозерцания самураев. Разве добровольная смерть не означает предельную власть над самим актом жизни? Разве завершение земного существования воина не есть возможность для его нового, истинного рождения? Разве принесение самого дорогого, что есть у человека, в жертву своему господину не высший символ выполнения своего долга и искренности души?

К XIV в. сэппуку превращается в сложный ритуал, логически вытекающий из всей самурайской идеологии и эстетики. Сэппуку нередко выполняли воины высокого ранга на полях сражений, не желая попадать в плен. Известны даже случаи, когда самурайские командиры предварительно обезображивали себе лицо, дабы враги не могли узнать их и насладиться победой. Преданные юноши-самураи вспарывали себе живот, если не могли отомстить за смерть отца. И, естественно, самурай был готов в любой момент совершить сэппуку, если его господин высказывал недовольство им, недоверие или если господин умер, был убит в бою либо сам совершил сэппуку. Ритуал сэппуку становился средством и внешним знаком сохранения всеобщего гармоничного порядка, основанного на конфуцианских понятиях «долга», «искренности», «верности». Учение Конфуция, краеугольным камнем которого было «человеколюбие», парадоксальным образом превращается в Японии в идеологическую опору для самоубийства по малейшему поводу.

Накануне самоубийства самурай проводил время в весёлой пирушке, в лёгких беседах о непостоянстве и суетности жизни, восхищался этим «текучим миром» – укиё, а в день харакири вёл себя скромно и тихо, являя собой простоту как высший жизненный принцип.

Сэппуку совершали обычно либо в доме господина, либо на своём дворе. В первом случае разыгрывалось целое ритуальное представление, которое символизировало непостоянный, ненастоящий характер всей нашей видимой жизни. Двор застилался циновками, на них клали большое атласное покрывало красного цвета, дабы на нём не была видна кровь. Посредине двора стелилась ещё одна небольшая циновка, на которую на колени вставал самурай, позади него становились два «секунданта» – обычно ближайшие его друзья, державшие меч. По углам двора рассаживались родственники, приглашённые гости, нередко – императорские цензоры, проверяющие. Самурай спускал

с плеч лёгкое кимоно, надеваемое специально для этого случая, и после недолгой молитвы вонзал себе в живот небольшой ритуальный меч и делал разрез. В тот же момент один из помощников, что стоял у него за спиной, резким ударом меча сносил ему голову, прекращая мучения.

Акт сэппуку был наполнен десятком ритуальных мелочей. Например, помощник должен был так снести голову самурая, чтобы она повисла на лоскуте кожи, а не откатилась в сторону, что считалось весьма неэстетичным. Сам самурай обязан был умереть с лёгкой улыбкой на устах, без сожаления расставаясь с жизнью. Особое внимание обращалось на тип удара мечом, который наносил себе самурай. Всего насчитывалось около десятка различных надрезов, некоторые из них были весьма сложны и болезненны, например, по диагонали снизу вверх, или в форме буквы , или в два удара в форме <+>. Как самый простой рассматривался разрез слева направо и сверху вниз. Был и особо изощрённый способ – удар себе в живот тупым бамбуковым мечом, что ещё больше подчёркивало абсолютное презрение самурая к жизни [10].

Описание такого идеального ухода из жизни в соответствии со всеми ритуальными правилами можно встретить в знаменитом произведении «Хэйкэ моноготари» («Повесть о Хэйкэ»). Ёримаса принимает деятельное участие в организации восстания против клана Тайра в 1180 г. и вовлекает в него принца Мосихито. Но восстание оказывается разгромленным, и Ёримаса считает своим долгом уйти из жизни. Он решает обставить это всеми необходимыми церемониями.

«Ёримаса призвал к себе Ватанабэ Седзицу Тонау и приказал: «Отруби мне голову!» Но Тонау не мог заставить себя сделать это, пока его господин был жив. Он горько зарыдал.

– Да как же я могу сделать это? – ответил он. – Я могу сделать это лишь после того, как вы совершите сэппуку.

– Я понял, – ответил Ёримаса.

Он повернулся лицом к западу, сложив ладони перед грудью, и пропел славу Будде Амиде десять раз громким голосом. Затем он сложил следующее стихотворение:

Словно засохшее дерево,
Что не подарило ни одного цветения,
Печальна была моя жизнь.
Печально стоит до конца моих дней,
Не оставив плодов после себя.

Произнеся эти строфы, он вонзил остриё меча себе в живот, уткнулся лицом в землю, как только клинок пронзил его, и умер. Обычный человек не смог бы сложить стихотворение в такой момент. Однако для Ёримасы стихосложение превратилось в истинное наслаждение ещё со времён его молодости. И поэтому даже в момент своей смерти он не забыл о нём. Тонау взял одной рукой голову своего господина, отсёк её и привязал к камню. Затем, скрываясь от врагов, он направился к реке и погрузил голову своего господина в воду в самом глубоком месте» [11].

Перед нами вновь предстаёт образ «идеального воина» в том виде, в каком он складывался в эпоху Камакура. В реальности же такие показательные случаи сэппуку, возведённого в акт высокого искусства, были скорее исключением, нежели правилом. Да и сам мучительный способ добровольного ухода из жизни не получил столь широкого распространения. По сути он и не был добровольным, поскольку сама логика взаимоотношений той эпохи ставила воина в безвыходное положение, его поведение было целиком подчинено ритуальным нормам.

Классическим примером смерти за своего господина стала история о 47 верных ронинах. Она и послужила сюжетом для представлений театра Кабуки, многих живописных изображений. По её мотивам создавались многочисленные «боевые повести», например, «Тюсингура» (XIX в.), проиллюстрированная известным художником Садахидэ (1807 – 1873).

В 1702 г. во время подготовки к приёму императорского посла знатный самурай Асано Наганори, правитель области Ако, был оскорблён другим не менее знатным и известным самураем Кира Кодзукэ-но сукэ. Честь Наганори Асано была столь сильно задета, что он выхватил меч, и не раздумывая, бросился на обидчика. Это был неслыханный по своей дерзости поступок – обнажить меч в сёгунских покоях! Наганори Асано приговорили к харакири, Кира Кодзукэ-но сукэ же избежал наказания. Пострадали и 47 верных подданных Асано. Они были распущены и превратились в ронинов, но поклялись отомстить за смерть своего господина.

Долго ронины выслеживали расчётливого и хитроумного Кира и в конце концов, ворвавшись ночью в его дом, убили обидчика. Затем все 47 ронинов совершили акт

харакири. Таким образом они исполнили самурайский долг, оставшись преданными своему господину даже после его смерти.

Естественно, сэппуку совершали не только как мщение за своего господина или по указу правителя. По сути харакири стало не только воплощением возвышенных самурайских отношений, но и частью национальной культуры. В качестве иллюстрации можно привести пьесу театра Кабуки «Отокодатэ Госё-но Горозо» («Благородный человек Госё-но Горозо»), где главный герой – не богатый, но честный и благородный горожанин Горозо – вынужден сражаться на дуэли с самураем и после этого совершить сэппуку. Считалось, что предел жизни достигается именно через полное выполнение морального долга. И после этого земное бытие теряет всякий смысл. Добровольная смерть через сэппуку лишь усиливала торжественность самого акта осуществления «гири».

Самурай обязан уходить из этого мира с лёгкой улыбкой на устах. Он должен быть благодарен жизни за то, что она позволила ему «истинно умереть».

В поисках идеального самурая

Кто станет разбирать между хитростью и доблестью, имея дело с врагом?!
Вергилий

Проблему поиска гармонии между культурой и войной, между «гражданским» и «военным» началами можно назвать в какой-то мере ключевой в тех цивилизациях, которые породили мощные сословия профессиональных воинов. И греко-римская, и китайская, и японская цивилизации в равной степени были затронуты поисками ее решения. И Китай, и Япония стремились создать некоего идеального представителя культуры, который был бы одновременно и утонченным интеллектуалом, и блестящим воином, достигшим равновесия между «кистью и мечом».

По сути, идеология «гражданского-военного» (япон. – «бун-бу», кит. – «вэнь-у») становится частью японской традиции, и естественно, что долгое время воплощением принципа «военного и гражданского в равной степени» считался сам японский император. Впервые «бун-бу» как идеал японского общественного сознания встречается в VII веке. Один из ранних императоров Японии (правил с 683 по 707 гг.) вошел в историю именно под своим посмертным именем Бунбу (или Монму), что, безусловно, явилось высшей оценкой его личности. Это говорит прежде всего о том, что в обществе стали меняться представления об идеальном человеке. Японии, подвергшейся мощному конфуцианскому воздействию из Китая, нужен был на троне «человек культуры».

С началом формирования самурайства его неистребимая тяга к «военному началу» начинает главенствовать в культуре, ей подчиняется литература того времени, не говоря уже о сотнях устных рассказов, где воспевался образ «идеального воина», полного благородства, справедливости и преданности. Все японские хроники начинают пестреть исключительно военными событиями – захватами территорий, личными подвигами буси,

особенностями воинской тренировки в разных самурайских кланах. В XI веке один из придворных создает произведение, выдержанное в типичном для той эпохи воинском жанре – «Мицу ваки» («Хроники Мицу»). В нем речь идет о замечательных подвигах Минамото Ёриоси (999-1075) и его сына Ёсииэ (1039-1106) – предках знаменитого воителя Минамото Ёритомо, отправившихся в поход для «умиротворения» северных земель Японии. Образ Ёриоси превращается в идеал воина того времени. Позже он получит развитие в «боевых повестях» жанра гунки. Итак, какой же он – воинский идеал?

Прежде всего перед нами – выдержанный, закаленный воин, мастер «лука и боевого скакуна». Он намеренно усложняет себе задачу – подчеркнуто использует не тугой лук воина, а плохо натянутый лук простолюдина. И все равно от его стрелы нет спасения. Таким образом, сам выстрел Ёриоси приобретает некий мистический характер, ибо уже становится неважно, из какого оружия стреляет человек, – главное, что стрелу посылает в цель Великий Воин. В последующие эпохи этот мотив мистического действия Воина станет весьма распространенным. Например, получат широкое хождение истории о том, как самый известный фехтовальщик на мечах Миямото Мусаси принципиально не использовал традиционную катану из отличной стали, а дрался исключительно деревянной палкой, весьма отдаленно напоминающей меч. Настоящий буси не зависит от своего оружия, ибо его истинное оружие заключено в силе его духа.

Кроме того, Ёриоси стал идеалом мастера-иэмото и господина-отца, заботившегося о своих детях-подданных. Он лично следил за заготовкой провизии для своих воинов,

проверял их оружие, посещал всех больных и раненых и даже сам врачевал их. «Воины были глубоко тронуты этим: «Наши тела оплатят наши долги. Наши жизни ничего не стоят, когда на карту поставлена наша честь. И теперь мы готовы умереть за нашего полководца» [6].

В хрониках того времени перед нами предстают не столько реальные люди, сколько идеальные Воины. Так, сын Ёриоси – Ёсииэ, который сыграл едва ли не решающую роль в становлении власти клана Минамото в западных провинциях страны, получил прозвище Хатиман Таро – «Старший сын Хатимана». Напомним, что Хатиман являлся одним из самых почитаемых среди самураев божеств, богом войны, воплощавшим мужество и непобедимость. К тому же он считался покровителем воинов клана Миямото. Теперь все достоинства Хатимана переходили к конкретному человеку – Ёсииэ, а это означало, что духи возвращались на землю, возглавляли военные походы, участвовали в битвах. Воинская культура дает буси эту удивительную возможность – перевоплотиться в божество, преобразиться в мистическое существо, которое даже «из плохо натянутого лука стреляет без промаха» и «побеждает врага, даже не обнажив меча».

Складывается удивительный, порой фантастический образ идеального воина, которому суждено будет царствовать в умах на протяжении многих столетий. Не составит особого труда найти его отголоски, например, в рассказах о мастерах каратэ, дзюдо, айкидо. Верность своему господину, мужество, невероятная сила, готовность отдать жизнь за честь своего клана или семьи – все эти качества начинают приписываться истинному буси. Никого не смущает, что измены и заговоры становятся едва ли не нормой жизни самурайства, воины нередко в страхе бегут от врага, их перекупают более богатые кланы. Однако культура чаще всего доносит до нас не правду жизни, а некую творческую бесконечность, несбывшийся идеал.

Идеализация воина и военизация культуры

То, что принято называть Бусидо, представляло собой фактически недостижимый идеал воинского стиля жизни. Это, кстати, и объясняет тот факт, почему Бусидо никогда не был письменно зафиксирован в единообразном и полном виде, хотя определенные воинские предписания, конечно же, были. Путь воина невозможно положить на бумагу, выразить фразой. Он идеален, неосуществим по своей сути, дан лишь как предел устремлений, которого всерьез никто и не пытается достигнуть.

Зачастую Бусидо представлен в японской культуре именно набором рассказов, по сути, иллюстраций «правильной» жизни буси. В частности, такими воплощениями Бусидо без упоминания этого термина и явились уже знакомые нам рассказы жанра гунки.

Воинский характер жизни буси начинает постепенно отражаться и на стиле всей японской культуры. В нее приходили ценности, так или иначе связанные с войной и боевыми искусствами, которые постепенно возводились в абсолют. Например, возникла особая «культура скакуна»; не случайно один из первых самурайских кодексов поведения так и назывался – «Путь лука и скакуна». Для известного воина специально выращивалась хорошая лошадь, за боевым скакуном порой ухаживали по нескольку человек, а конюшня обычно располагалась непосредственно перед резиденцией богатого самурая. Не случайно скакунам приписывались даже магические свойства, что, кстати, было характерно для всего, что окружало буси, – оружия, деталей одежды, правил поведения. Здесь есть и довольно забавные моменты мистического отношения к боевым лошадям: например, во многих рассказах образ лошади причудливо переплетался с образом обезьяны. Объяснялось это прежде всего отголосками китайской легенды об обезьяне-воине, Царе обезьян Сунь Укуне, без промаха разившем своих врагов. И обезьяна, и конь в самурайских поверьях могли обеспечить магическую защиту от ран – не случайно на японских костяных брелоках нэцкэ, которые носили за поясом самураи, нередко изображалась именно обезьяна. А в иллюстрированной биографии известного дзэнского монаха Иппэна «Сэйкодзи энги эмаки» («Иллюстрированные свитки об основании храма Сэйкодзи») мы встречаем примечательную подробность: обезьяну привязывают к коновязи подобно лошади, рядом с конюшней.

Образ самурая, а точнее, воинский аспект его жизни, идеализируется и на многих

живописных свитках того времени. Например, серия картин «Моко сюрай экотоба» («Иллюстрированные свитки о монгольском вторжении») показывает героические подвиги знаменитого воина Такэдзаки Сюэнаги из Хиго, когда тот защищал свои земли от монгольского нашествия 1274 и 1281 годов. Но особой скромностью благородные самураи не отличались: эту серию свитков, прославляющих воинские подвиги, заказал сам их герой – Сюэнага.

Таким же чисто показательным моментом было и знаменитое презрение к жизни, столь характерное для образа самурая. Воины-буси в действительности презирали не собственную жизнь, а образ жизни аристократии, ее изнеженность и манерность. Первоначально это объяснялось чисто психологическими причинами – нарождавшемуся институту самурайства для целостного самоосознания необходимо было противопоставить себя чему-то «чужому» и «неправильному». Однако не стоит забывать, что роскошь жизни самураев периода Эдо (1615-1867), с грандиозными замками, позолоченными стенами комнат далеко превзошла самые изощренные фантазии аристократии более ранних эпох. Но пока самураям все это было недоступно, они испытывали стойкую неприязнь к стилю жизни кугэ.

В XIII веке, т. е. в эпоху Камакура, напряженность в отношениях между носителями «воинского» (бу) и «гражданского» (бун) начал достигла предела. В основном агрессивный импульс исходил именно от буси. Самураи упорно считали, что излишнее увлечение всякими «гражданскими дисциплинами» типа стихосложения ослабляет боевой дух и навлекает большие беды. В эпоху, когда мирный день можно было считать редким исключением из правила, в этом была доля правды. Постепенно воинские ценности начинают вытеснять многие культурные достижения, носителями которых являлись наследственная аристократия и императорский двор. Особой неприязнью к культурному началу вообще отличались воины восточных земель, где существовали мощные воинские кланы.

Посмотрим, какой же образ жизни осуждался самураями в ту эпоху. В повести «Обусума Сабуро экотоба» («Повесть об Обусуме Сабуро»), созданной в самом начале XVI века, рассказывается о воинах периода Камакура (1185-1333), точнее, о двух самураях восточной провинции Мусаси – мастере фехтования Обусуме Сабуро и его старшем брате Ёсими Дзиро. Последний предстает перед нами интеллектуалом и эстетом, который восхищается жизнью императорского двора в Киото и преклоняется перед его обитателями. Стремясь во всем подражать «благородному люду», он даже строит себе жилище в виде уменьшенной копии дворца аристократа, берет в жены прелестную девушку из аристократической семьи, которая дарит ему красавицу дочь. В конце концов Дзиро прекращает заниматься боевыми искусствами и вместо этого предается игре на флейте и стихосложению.

По контрасту с ним его брат Обусума Сабуро оказывается умелым воином, ведущим простой и скромный образ жизни. Все свое время он посвящает тренировкам в боевом искусстве [12].

По сути, Ёсими Дзиро предстает перед нами как карикатура на псевдовоина, изменившего самурайским идеалам. Вероятно, составители этой повести немало бы удивились, если бы узнали, что через несколько веков самураи будут самозабвенно предаваться тем увлечениям, которые прежде так осуждались, например, игре на лютне и стихосложению, а «любование вещами» (аварэ) будет возведено в основополагающий принцип японской эстетики.

Пока же ценились простота и подчеркнутое отличие буси от аристократического сословия. Итак, «истинный» воин Сабуро берет себе в жены довольно безобразную, но крепкую девушку из бедных восточных земель; она приносит ему троих сыновей и двух дочерей, которым Сабуро предписывает проводить за тренировками в боевых искусствах дни и ночи.

Но вот однажды осенним днем обоих братьев призывают в Киото для несения службы в качестве охранников императорского дворца. Первым, конечно же, успевает собраться со своей свитой закаленный Сабуро. Он направляется в императорский дворец, но на пути его небольшому отряду встречается банда отлично вооруженных грабителей. Несложно догадаться, что Сабуро и его спутникам не составляет труда обратить бандитов в бегство.

Через несколько дней по той же дороге едет изнеженный Дзиро, и, конечно же, на него нападают те же разбойники. Беднягу Дзиро убивают, а вся его свита обращается в бегство.

Логика подсказывает нам, что благородный и мужественный воин Сабуро обязан отомстить за старшего брата, восстановив поруганную честь рода. Но, увы, здесь наша логика, находящаяся под влиянием идеального образа самурая, дает неправильную подсказку. «Идеальный воин» Сабуро поступает куда более практично. Прежде всего он клянется позаботиться о делах своего погибшего брата, как того и требует честь воина. На этом его морально-нравственная функция, превращенная в своего рода ритуал, завершается. Вернувшись из столицы, Сабуро присоединяет к своим землям поместье Дзиро, превращает его красавицу жену и прелестную дочь в своих прислужниц, расторгает договоренность о свадьбе дочери Дзиро с местным правителем и даже пытается женить того на одной из своих безобразных дочерей.

Обратим внимание, что поступки Сабуро полностью оправдываются в этой богато иллюстрированной повести, причем в последней ее части в дело вмешивается даже буддийское божество, помогающее достойному воину.

Первые самурайские лидеры типа Минамото Ёритомо и членов клана Ходзё, под властью которых уже находилась добрая половина страны, особо предостерегали своих воинов от увлечения гражданскими дисциплинами (бун), скептически относились к образованию и литературе, требовали от буси спартанского образа жизни, ежедневных тренировок в боевых искусствах и готовности по первому зову без рассуждений броситься в бой. Как ни странно, именно такое «бескультурье» и позволило самураям в тот период отобрать власть у аристократии, которую значительно меньше заботили боевые искусства. С приходом к власти самурайского клана Минамото в Японии произошел военный переворот, повлекший за собой известную деградацию культуры, что вообще характерно для раннего периода любой военной диктатуры.

Мы не станем утверждать, что ни один из самураев эпохи Камакура не брался за кисть в стремлении сложить стих, не открывал книгу, дабы насладиться изящным слогом китайских поэтов древности. Но все же это не было общим стилем жизни буси. Идеалом самурая оставался безжалостный и презревший удобства жизни воин вроде Обусу-мы Сабуро.

Такая ситуация, когда у кормила власти стояли люди необразованные и выказывающие явное презрение всякому «культурному» началу, не могла сохраняться долго. Китайское изречение гласит, что можно покорить страну, сидя на боевом скакуне, но нельзя с этого скакуна управлять страной. А значит, необходимо было создавать государственный аппарат, формировать двор, и на этом поприще первые сёгуны переняли немало полезного от культуры и администрирования кугэ. Постепенно появляется увлечение каллиграфией и живописью тушью (суми-э), начинает цениться хорошее образование, выдержанное в духе конфуцианской традиции, создаются конфуцианские государственные учебные заведения, все большую роль играют дзэнские монахи со своим интуитивным подходом к жизни. Сами того не желая, самураи становятся носителями и трепетными хранителями культурных традиций старой аристократии. А это означало, что изменился и сам образ «идеального воина».

Теперь это образованный, утонченный человек, в равной степени овладевший «гражданским» и «военным» началами, нередко неплохой поэт, знаток китайской и

японской поэзии, философии, способный наизусть цитировать некоторые пассажи из китайской воинской классики, например, из книг полководца Сунь-цзы.

Как ни парадоксально, но «идеальным воином» культура считает все того же Минамото Ёритомо. Человек, который столь упорно предостерегал своих воинов от чтения книг, увлечения игрой на флейте и стихосложением, теперь предстает совсем другим. Так, в трактате «Адзума кагами» («Зерцало Запада») утверждается, что Ёритомо получал специальные наставления в правилах японского стихосложения (вака) от монаха Дзиэна, который принадлежал к аристократическому роду Фудзивара и считался блестящим поэтом и книжником. Ёритомо сам проявил неплохие способности в стихосложении. Книга «Сюгёкусю» («Собрание связки жемчужин»), составленная Дзиэном, содержит более тридцати таких вака, приписываемых Ёритомо. Не исключено, что его стихи вошли в престижные антологии только благодаря лидирующему положению клана Минамото в государстве. Тем не менее критики отмечали, что произведения Ёритомо действительно выдержаны в правильном классическом размере, а порой отличаются даже остроумием, хотя не отмечены особой глубиной переживания.

Тем не менее рядовые воины и значительная часть самурайской элиты обращали мало внимания на стихосложение и посвящали все свое время боевым тренировкам. Из «гражданских искусств» самураев больше привлекали устные рассказы (моногатари) о собственных подвигах или о геройских похождениях их предшественников.

Минамото Ёритомо и его последователи сделали воинскую подготовку обязательной частью жизни каждого самурая. Если до буси регулярно практиковались в боевых искусствах постольку, поскольку от этого зависели их жизнь, благосостояние и честь, то теперь это непосредственно вменялось им в обязанность. Воина, замеченного в отлынивании от тренировок, прогоняли со службы, а это считалось величайшим позором.

В эпоху Камакура официальным кодексом поведения самураев становится «Госэйбай сикимо-ку». Примечательно, что здесь самурайские познания в «изящных искусствах», т. е. в гражданских дисциплинах типа литературы и искусства, рассматриваются как нечто второстепенное и практически не нужное воину. По сути, этот кодекс объявлял, что истинный воин должен совершенствоваться лишь в боевых искусствах, все остальное рассматривалось как ненужная обуза для сознания самурая.

Идеальный воин, по понятиям самурайской культуры, должен быть скромен и ненавязчив. Влиятельный самурай Сигэтоки из знаменитого рода Ходзё, официальный представитель сёгунской ставки (бакуфу) при императорском дворе в Киото, в одном из своих наставлений писал:

«Если тебя попросят продемонстрировать свое умение в изящных искусствах, то даже если ты и можешь без труда сделать это, лучше скажи, что тебе недостает мастерства, и согласись только, когда начнут настаивать. Но даже в этом случае не допускай того, чтобы твой успех вызвал аплодисменты и рост твоей популярности. Ты, воин, [напротив] должен отличаться сдержанностью как в общественных делах, так и в выражении одобрения и обязан прежде всего совершенствоваться и добиваться успеха на Пути лука и стрелы. То, что лежит за пределами этого, – второстепенно. Никогда не гонись за знаниями в изящных искусствах! И еще – когда ты занят беседой с хорошими друзьями, и они намереваются расслабиться и весело провести вместе время, не отказывайся слишком упорно, в противном случае они перестанут любить тебя как какого-нибудь не в меру сдержанного человека. Помни, что при каждой возможности ты должен стремиться к тому, чтобы другие думали о тебе только хорошо» [11].

Но почему же все-таки существовал столь разительный разрыв между нормами Бусидо, например, требованием скромности и сдержанности в поведении и реальными поступками? Как ни странно, ответ на этот вопрос очевиден и лежит в самой логике формирования японской культуры. Мы уже упоминали, что многое из того, что вошло в

кодекс Бусидо, было фактически скопировано с китайской конфуцианской традиции.

В частности, представление о том, что «благородный муж» должен быть скромен, приходит в Японию из Китая. Упоминания о «скромном, но великом военачальнике» часто встречаются в трудах великого китайского стратега Сунь-цзы, широко распространенных в самурайской среде уже с VIII века. Идеал «образцового» бойца, в котором гармонично сочетаются «военное» и «гражданское» начала, пришел из китайской традиции. Япония же просто скопировала понятия «скромности» и «благородства» в отношении своих буси, но в реальности не смогла привить их, внедрить в сознание и повседневное поведение самураев. Возможно, именно по этой причине – из-за попытки имитировать культурную и воинскую традицию Китая – и наметился столь заметный разрыв между писаным и явленным, задуманным и реализованным в воинской среде Японии.

И хотя в представлениях европейцев самурай является высококультурным интеллектуалом и утонченным эстетом, вплоть до XVII века все увлечения изящными искусствами именовались с воинской прямолинейностью «глупейшими и никчемными занятиями».

Немалую роль в «окультуривании» самураев сыграл дзэн-буддизм. Нередко и сегодня самурайский дух ассоциируется с философией дзэн-буддизма, хотя в реальности все обстояло намного сложнее.

Дзэн-буддизм привлекал самураев никак не своей философской глубиной или изяществом теоретических построений. Большинство воинов вряд ли могли оценить всю многогранность учения об интуитивном знании. Но дзэн-буддизм в сознании буси ассоциировался с Китаем и его воинской традицией, а последнее особенно привлекало. Японская воинская элита рано стала увлекаться не столько учением китайской школы чань, сколько ее внешними проявлениями и атрибутами. Так, в самурайскую жизнь пришла приверженность к живописи, в частности, к монохромным пейзажам и к изящной поэзии. В воинской среде начинают высоко ценить буддийские тексты, хотя здесь вряд ли их до конца понимали. Самураев интересовала не столько суть дзэн-буддизма, сколько его связь с воинской традицией.

Первые дзэнские школы Риндзай и Сото появились в Японии в XII-XIII веках и стали быстро распространяться в основном при содействии самураев Камакуры. Многие влиятельные самураи из знаменитого рода Ходзё выделяют немалые средства на строительство дзэн-буддийских храмов и даже финансируют создание специальных учебных заведений для монахов, где вели занятия миссионеры из Китая. Вслед за своими господами, которые оказали столь активную поддержку дзэн-буддизму, рядовые самураи тоже принялись за изучение основ дзэнской теории и многочисленных «дзэнских искусств».

Так постепенно культурное начало входит в спартанскую жизнь самураев с ее бесхитростными, а порой и жестокими нравами. Утонченный архитектурный стиль сёин, конфуцианские тексты, китайская поэзия и литература становятся непременными чертами новой культуры даймё. А позже, также из Китая, приходят чайная церемония и искусство разбивки «сухих садов» из камней. В хронике «Адзуми Кагами» упоминается о неких «встречах за чаем» (тя ёриай), проходивших в доме Ходзё и его подданных, где стало принято обмениваться короткими стихотворениями. Там же говорится о некоем поэтическом собрании, куда явились семьдесят высокопоставленных самураев и сложили тысячу стихотворений, каждое из которых было связано с предыдущим (рэнга) [12]. Практически все эти новшества были принесены на Японские острова монахами из Китая.

«Святой меча» – Миямото Мусаси

Этого человека знает, наверняка, каждый, кто соприкасался с боевыми искусствами. О нем слагались легенды, его образ вдохновлял многих писателей и поэтов, ему посвящали стихи и живописные свитки. Это воплощенный Герой, живой символ Воина. Самурай, не проигравший в жизни ни одного поединка, никогда не изменивший своему слову. Речь идет о великом мастере Миямото Мусаси (1584-1645).

Многие поступки Мусаси, кажется, прямо противоречат всем законам Бусидо и самурайской морали. Он считался «великим и благородным Воином» – и нападал из засады, как правило, сторонясь открытого поединка. Он стал идеалом для тысяч самураев средневековья – и советовал «лучше ударить в спину и убить противника сразу, чем подходить к нему с лица и долго фехтовать». Он выступал как живое воплощение строгости и дисциплины Бусидо – часто ходил грязным, был неравнодушен к спиртному, выходя на поединки с глубокого похмелья.

Мусаси родился в деревне Миямото, что в провинции Миасака, откуда и получил свое фамильное имя. В средневековых хрониках Мусаси фигурирует под своим полным именем Мусаси-но-ками Фудзивара-но-Гэнсин. Обратим внимание на элемент «но-ками». Это слово означает «дух», «чудесный», «одухотворенный». Фактически «но-ками» было почетным званием, которое присваивал сёгун наиболее отличившимся членам самурайского сословия, например, искусным оружейным мастерам, художникам, воинам. Искусство такого человека – «не от мира сего», оно связано с деяниями духов, а, следовательно, все, что делает такой «но-ками», есть живое воплощение истины.

Миямото Мусаси принадлежал к одному из самых древних и могущественных кланов – Фудзивара. Правда, не по прямой линии рода, а поэтому не имел ни особых богатств, ни земельных наделов. Все его предки служили лишь наемными воинами у богатых даймё, и хотя они были на хорошем счету, ко времени рождения будущего «кудесника меча» род оказался практически полностью разорен. Хотя Миямото Мусаси нередко любил упомянуть свою связь с кланом Фудзивара, все же его прямые предки происходили из мощного клана Харими на южном японском острове Кюсю. Они были профессиональными воинами. Его дед Хирада Сёкан служил в гвардии богатого даймё из провинции Ига Синмэн Ига-но-ками Судэсигэ и так понравился своему господину, что тот выдал за него свою дочь. Первые уроки боевого искусства Мусаси брал у своего отца, блестящего воина Мунисая, прославившегося мастерством в искусстве меча и железной дубины. Мунисай в отличие от своего отца уже превратился в ронина – самурая, потерявшего своего господина. Сначала он служил наемником в армиях богатых даймё, а затем его стали даже приглашать в качестве инструктора, в том числе и в ставку сёгуна Асикаги. Но что-то произошло потом с бесстрашным Мунисаем: одни говорили, что он был убит, другие утверждали, что он просто покинул свою семью и стал бродячим воином. Так или иначе, юный Миямото остался сначала на руках своей матери, а после ее скорой смерти стал жить со своим дядей по материнской линии – степенным буддийским монахом.

«С самого начала жизни мое сердце прикипело к Пути боя. Тринадцати лет от роду я вступил в свою первую схватку и побил некоего Ариму Кихэя, последователя школы воинских искусств Синто-рю, что была при синтоистском храме. Когда мне исполнилось шестнадцать лет, я победил еще одного способного бойца – Тадасиму Акияма. В возрасте двадцати одного года я отправился в столицу и сражался там с различными мастерами клинка, ни разу не потерпев поражения» [5]. Так Миямото Мусаси сам описал свое вступление на воинский путь. Вся его последующая жизнь проходила в постоянных схватках, в которых Мусаси проявлял беспримерную хитрость и жестокость.

Мусаси стал странствующим воином, ронином, который, однако, не очень стремился найти себе постоянного господина. В ранней молодости, еще не имея большого боевого опыта, он бесстрашно сражался на стороне Асикаги, который выступил против могучего Иэясу. Почти вся армия Асикаги полегла в этом сражении, но Мусаси благодаря своим необычайным способностям избежал смерти и с тех пор уверовал в свою неуязвимость, в свое высшее предназначение как Воина. Теперь он счел, что должен продемонстрировать свой дар всей Японии.

Первым делом Мусаси направил стопы в императорскую столицу Киото. Именно здесь воины могли снискать себе славу знаменитых фехтовальщиков и бесстрашных бойцов. В ту пору ему был всего лишь двадцать один год, и немногие восприняли его всерьез. Но Мусаси сумел за пару месяцев круто изменить общее мнение о себе. Он жесточайшим образом расправился с кланом профессиональных воинских инструкторов Ёсиока, убив на

поединках двоих из них и тяжело ранив третьего. Правда, пошли слухи о том, что Мусаси не очень честен и не всегда придерживается правил поединка – например, вызвав на дуэль одного из Ёсиока, он просто-напросто убил его ударом сзади из засады. Но все, кто пытался оспорить «истинность методов» боя Мусаси, были отправлены «на встречу с предками».

Сам же фехтовальщик, о котором стали говорить, что он побеждает не столько воинским умением, сколько чудесной силой духов, отправился в сёгунскую столицу Эдо. Он побывал на севере, на Хоккайдо, южной оконечности Кюсю. Его привлекал сам дух сражений, тот уникальный опыт переживания порога жизни, который воин обретает в поединке. В мастерстве уже никто не мог сравниться с Мусаси; к двадцати девяти годам он провел более шестидесяти поединков, подавляющее большинство противников были убиты, другие же тяжело ранены.

Постепенно он разработал свою тактику боя, во многом отличавшуюся от той, которая преподавалась в школах кэн-дзюцу. Он метил острием меча в лицо сопернику, стремясь выколоть глаз и заставляя своего врага закрывать глаза. Он подрубал подколенные сухожилия и отрубал кисти рук. Он полностью отказался от показных статичных позиций и нападал столь внезапно, столь яростно, что просто сминал противника.

В 1605 году Мусаси случайно забрел в храм Ходзоин, который располагался на южной окраине столицы. Монахи этого храма слыли неплохими бойцами, искушенными в бою на копьях и трезубцах. Большинство монахов-бойцов были последователями мастера секты Нитирэн знаменитого Хоина Инэя. Соперником Миямото Мусаси стал лучший ученик Хоина Инэя монах Оку Ходзоин.

Оку славился тем, что во время боя противник никак не мог поймать взглядом конец его копья, который мелко дрожал, создавая как бы марево. Рассказы о многочисленных победах монаха Оку Ходзоина лишь раззадорили Мусаси, и тот, вооружившись деревянным мечом, вышел на бой в монастырском дворе. Дважды Мусаси опрокидывал монаха на землю, при этом ни разу не ранив его, вероятно, испытывая уважение к «святым людям» – случай практически исключительный для этого весьма жестокого воина.

После поединка Мусаси задержался в монастыре; он слушал наставления в дзэнских искусствах и медитации. Заодно Мусаси поучился и искусству «дрожащего копья»,

согласившись, что оно может быть очень эффективным в бою. Вероятно, именно здесь, в этой тихой обители Ходзоин, Миямото Мусаси приобрел первый мистический опыт дзэн-буддизма.

Как-то, путешествуя в провинции Идзумо, Мусаси испросил разрешения у местного даймё Мацу-дайры сразиться с его лучшим самураем, который прославился искусством владения тяжелым восьмигранным шестом. Мусаси решил использовать против него свое излюбленное оружие – парные мечи, точнее, их деревянную имитацию (бокэн). Противники сошлись в саду библиотеки, за схваткой наблюдал сам даймё. В этом бою Мусаси короткими ударами раздробил сопернику обе кисти.

Даймё, считавший себя отменным воином, подивился мастерству Мусаси и решил лично выйти на поединок. Мусаси и здесь тонко построил схватку: убить или даже ранить даймё было нельзя, но и проиграть Мусаси тоже не мог. Сначала он заставил даймё поверить, что тот одолевает Мусаси, и, как только Мацудайра бросился в атаку, применил излюбленный прием «огня и камня». От мощного удара меч даймё разлетелся на две части, и тому пришлось признать себя побежденным. На некоторое время Мусаси задержался в Идзумо у даймё Мацудайры, преподавая искусство боя, но спокойная жизнь инструктора не привлекала его – душа Мусаси требовала странствий и поединков. И он вновь отправился в путь, «взяв в спутники лишь собственный меч».

С этого момента вся его жизнь наполнена странствиями и постоянными схватками. Мусаси был задирист и груб, он всегда сам искал боя, провоцировал самураев на поединки, выбирая себе в соперники наиболее именитых.

Мусаси, который в последующие эпохи превратился едва ли не в нравственный идеал самурая, во многом нарушал предписания, которым был обязан следовать воин. В период своих странствий он почти не следил за собой, ходил в рваных одеждах, нечесаный и нестриженый, с диким взглядом. Его не интересовали женщины и веселые пирушки, он не любил роскоши и бежал от оседлости – все его мысли были заняты оттачиванием своего боевого мастерства. Рассказывают, что прохожие, которые встречались с Мусаси на пути, пугались его вида, принимая за безумца или бандита.

Но, возможно, перед нами лишь предание о «Святом меча». В восточной традиции многие святые имеют такой вид – всклокоченные волосы, дикий взгляд и необузданный нрав. В частности, именно так описывают хроники легендарного основателя дзэн-буддизма и едва ли не всех боевых искусств индийского миссионера Бодхидхарму (япон. – Дарума), который в VI веке пришел в Китай в Шаолиньский монастырь. Многие его последователи, в равной степени сочетавшие в себе воинское мастерство и дзэнскую святость, «речами были невыдержанны» и сумбурны. А безумие, приписываемое порой Мусаси, в традиции Дальнего Востока нередко выступает знаком «обезумевшей мудрости» – высшего Знания, которое противоположно обыденным вещам, поэтому носитель этого Знания и кажется нам безумным. Не случайно безумцами считались и великий даос Чжуан-цзы, и буддийский монах Кукай. Поэтому, хотя поведение Миямото Мусаси и противоречило правилам самураев того времени (например, тщательно следить за своей одеждой и прической), он целиком соответствовал некоему идеалу народной фольклорной традиции, который всегда подспудно жил в сознании японцев.

Теперь уже не каждый даймё рисковал пригласить его в инструкторы воинского искусства – Мусаси был крайне невыдержан и практически неуправляем.

Он готов был драться с каждым, причем реже всего именно мечом. Обычно в его руках оказывался деревянный тренировочный бокэн, а то и просто палка. Он никогда не ранил своих соперников, он всегда их убивал, добивал упавшего, придумывал десятки хитроумных способов, заставляя противника потерять силу духа, стремясь полностью сломить его, «затоптать его дух ногами».

Мусаси «отменил» важнейшее правило, до тех пор царствовавшее в кэндо, – статичные красивые позиции (камаэ), которые воины принимали перед боем. Он нападал сразу, издав дикий крик, который порой поражал противника раньше, чем меч. «Голос – живое существо, – объяснял Мусаси. – Голос демонстрирует внутреннюю мощь».

Мусаси выделял три типа крика: «до, во время и после», разработав целую теорию сэнно го кё – «голос до и после». Он различал крики по продолжительности, высоте, делил их на атакующие и обманные, считая, что правильный крик «подобен вспышке молнии в ночи» и должен вывести противника из равновесия.

Никто уже не решался выйти на открытый поединок с этим удивительным самураем. Жесткий, расчетливый ум Миямото никому не давал ни малейшего шанса не то что на победу, но даже на то, чтобы просто остаться в живых. Он никого не брал в ученики и странствовал только с юношей Иори, которого беспризорником подобрал в провинции Дэва и назвал своим приемным сыном. Для него уже не существовало «правил боя», как не существовало и никаких ритуальных уложений – Мусаси целиком слился с естественностью бытия, достигнув дзэнского идеала: «жить легко, словно листок, падающий с дерева». В этот момент Мусаси записывает: «С тех пор я живу, не следуя никаким особенным правилам. Обладая пониманием Пути боя, я совершенствуюсь во всех

искусствах и ремеслах, но всюду отказываюсь от помощи наставников» [5].

Для него нет авторитетов, он критикует всех, причем свою правоту доказывает ударами меча. Мусаси ругает практически все школы кэн-дзюцу за приверженность строгим правилам и ритуалам, которые лишь затрудняют ведение поединка. Для себя же он отметает всякие правила.

К нему обращаются многие известные даймё с просьбой открыть при них официальную школу, но Мусаси практически всем решительно отказывает. Его гнетет падение нравов, упадок воинского духа (и это в период расцвета самурайской культуры в конце XVI века!), непонимание Пути воина. Большинство школ кэн-дзюцу он считает просто шарлатанством, а их инструкторов – не воинами, а «жонглерами меча», лишь стремящимися заработать себе побольше денег.

Постепенно что-то меняется в душе Мусаси. Происходит нечто странное – его уже не привлекают постоянные поединки и привычные боевые уловки. Возможно, время брало свое: Мусаси уже было под шестьдесят, хотя по-прежнему никто не рисковал скрестить с ним мечи. Или это был приход высшей воинской мудрости – ведь, как он сам заметил, «мудрость воинского искусства отлична от обыденных вещей». В 1634 году он оседает в Огурё, на острове Кюсю. Его, вечного странника, теперь привлекают занятия изящными искусствами, живописью, литературой. Мусаси приглашает к себе один из известных даймё из рода Хосокава – Тюри, который владел огромным замком Кумамото. Здесь Мусаси продолжает свои гражданские занятия, обучает местных самураев и фактически впервые заводит постоянную самурайскую школу, находящуюся под покровительством самого даймё. Но такая спокойная жизнь продлилась недолго. Мусаси уже пересек какой-то барьер внутри себя и не мог оставаться в мире людей, который, кажется, был глубоко чужд ему.

И он уходит. Великий Мусаси, «кудесник меча», неутомимый и хитроумный фехтовальщик становится отшельником. В 1643 году Мусаси удаляется в высокогорную пещеру Рэйгэндо, где чередует тренировки в фехтовании с долгими сеансами буддийской медитации. Воинственный самурай переродился в мудрого философа, следующего путем воинских искусств.

Просветление – столь ожидаемое и все равно неожиданное – приходит к нему внезапно. Он должен оставить после себя в этом мире саму суть Пути, которому он следовал, рассказать об особом мистическом переживании, благодаря которому он сумел совместить в себе воина и мудреца.

И вот в десятый день десятого месяца, в «час тигра» – т. е. между тремя и пятью часами ночи, в свое излюбленное время для медитаций, он растирает и разводит тушь, обмакивает в нее кисть и выводит на листе рисовой бумаги первые иероглифы: «В течение многих лет я следовал воинскому искусству, называемому мною «Ни тэн Ити-рю» – «Школа Единого двух Небес». И вот сейчас я впервые задумал изложить мой опыт на бумаге. В первые десять дней десятого месяца двадцатого года Канэй (1645) я поднялся на гору Ивато в Хиго, что на острове Кюсю, чтобы вознести молитвы Небу. Здесь я хочу помолиться богине Канон (буддийскому божеству милосердия Ава-локитешваре – А. М.) и преклонить колени перед Буддой. Я воин из провинции Харима, Синмэн Мусаси-но-Ками Фудзивара-но-Гэнсин. И мне шестьдесят лет» [5].

Так Мусаси начал писать фактически свое духовное завещание, которому суждено было стать настольной книгой многих поколений самураев. Он называет его «Горин-но сё» – «Книга пяти колец». Натурфилософия Восточной Азии рассматривала пять первостихий, из которых сложился мир: металл, дерево, вода, огонь, земля. «Горин» («пять колец», или «пять взаимосвязанных») – это еще и пять частей тела человека. По сути, речь идет не о «кольцах», а о неких пяти нерасторжимых сочленениях, из которых и складывается Истина воинского искусства. Пять частей книги представляют собой как бы пять этапов совершенствования сначала техники, а затем и духа бойца. «Книга Воды» посвящена пяти базовым подходам к противнику. Первая «Книга Земли» повествует об основах воинского поведения. В «Книге Огня», где Мусаси уподобляет воинское искусство огню, описаны методы психологического воздействия на противника, содержится учение о том, как

«подавлять полезные действия противника и поощрять бесполезные», а также как использовать особенности ландшафта. В «Книге Нравов» (дословно – «Книга Ветра») Мусаси подробно разбирает достоинства и недостатки других школ кэн-дзюцу, рассказывает, каким образом при помощи стратегии школы Ити-рю можно одолеть их. Философская «Книга Пустоты» посвящена завершающему и высшему этапу в развитии духа воина, когда все боевое искусство сводится для него к осознанию дзэнской Пустоты мира.

И вот написан последний иероглиф в «Книге пяти колец». Знание о сакральном истоке боевых искусств передано потомкам, Книга жизни Воина завершена – его миссия выполнена. И через несколько дней, 19 мая 1645 года, «Святой меча» Миямото Мусаси покинул этот мир.

Странствия в «быстротекущем мире»

Самураи без войны

Варвары, уничтожившие цивилизацию, фактически приговорены к нравственному надлому. Это и есть неизбежное следствие их авантюристического духа. Однако приговор истории они принимают в духовной борьбе, следы которой остаются в литературе, мифологических памятниках и нормах общественного поведения.
Арнольд Тойнби

Жизнь самурая отнюдь не сводилась лишь к ратным делам. В традиционной японской эстетике, сложившейся под влиянием самурайской культуры, есть понятие «укиё». Оно выражает особое переживание открытия вечного в бренном, бесконечного в ограниченном, святого в суетном. Термин «укиё» пришёл из буддизма и первоначально понимался просто как «бренный мир», «суетное существование» в противоположность вечному миру «тела Будды». Но позже «укиё» стало обозначением некоей стилистики жизни – «вечнотекущий мир», «текущий мир наслаждений». Это особого рода японский гедонизм, вытекающий из сознания быстротечности самой жизни человека, вечной условности нашего бытия.

Обратим внимание – в буддизме понятие «быстротечного мира», «мирской юдоли» носит скорее негативный характер, ибо считается, что всю эту «иллюзорную пелену бытия» следует решительно отринуть, преодолеть плен желаний. Но самурайская культура, наоборот, начинает не просто восхищаться ускользающим очарованием этого мира, но и видеть в нем эстетический идеал жизни вообще. Отчасти в этом «виноват» и дзэн-буддизм, объявивший, что наше земное бытие (сан-сара) в общем неотличимо от нирваны, и для обретения истины и озарения отнюдь не следует порывать связи с жизнью.

Со временем, а, точнее, начиная с XVII века, пафос сражений, благородной смерти на поле брани уступает место чисто эстетическому переживанию. Важнейшей частью существования некогда бесстрашных и воинственных, а ныне оставшихся не у дел самураев становятся «изящные развлечения» – югэй. В разные эпохи название наполнялось различным содержанием, но так или иначе югэй всегда относилось к наиболее интимным и возвышенным сторонам самурайской культуры. Это могли быть чайная церемония и парковое искусство, театральные зрелища и восхищение прелестными танцовщицами, художественное творчество и икебана, «любование снегами и горами» и сочинение стихотворений в жанре «хайку». Мир самурайства теперь включает простоту чайных домиков и «сухих садов», где в художественном беспорядке разбросаны камни, и безумную расточительность при сооружении дворцов даймё.

К XVII веку формируется особое художественное направление, получившее название «укиё-э» («изображения быстротекущего мира»). Мастера этого направления попытались в иллюстрациях передать некую «весть» из «текущего мира». Укиё-э стало известно на Западе благодаря работам Хокусая, Утамаро и Хиросигэ. Мир «укиё» включает в себя и театр Кабуки, и эротическую литературу, и иллюстрации к ней, и жизнь «веселых кварталов» с их певичками, гейшами и завсегдатаями-самураями.

Итак, воинская культура Японии постепенно начинает эстетизироваться и сводится уже не к воспитанию потенциального участника сражений, а к тонким мотивам «прозрения

сокровенного в обыденном», формированию «человека культуры» (бунка-моно) на основе уже готового «человека войны» (буси).

Чтобы лучше понять логику новых самурайских нравов, кратко напомним несколько ключевых моментов, повлиявших на культурный облик эпохи, названной периодом Эдо (1615-1867).

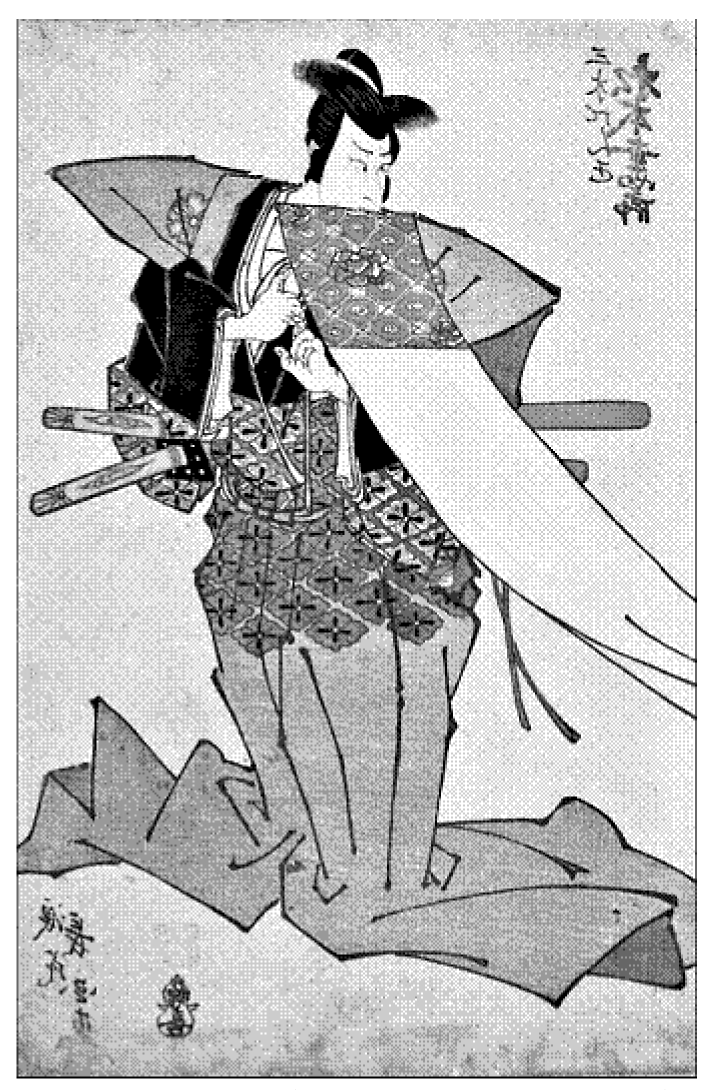
В 1615 году с разгромом мятежных сил и падением знаменитой крепости в Осаке сёгун Токугава Иэясу сосредоточил в своих руках большую власть. Он оказался не только блестящим воином, но и тонким аналитиком, сумев учесть все ошибки своих предшественников-воителей Оды Нобунаги и Тоэтоми Хидэёси, которые, несмотря на могущество, недолго продержались на исторической арене. Власть же клана Токугавы продлилась более двухсот лет.

Иэясу правил тонко и мудро. Он не стал соперничать с императором, оставив за ним формальную власть, по-прежнему признавая столицей Киото, где тот находился. Зато ставка сёгуна прочно обосновалась в Эдо – будущем городе Токио (отсюда и название этого исторического периода). Новый сёгун сумел создать мощное государство, где каждый аспект государственной и социальной жизни находился под контролем бакуфу – фактического правительства Японии.

Благодаря тому что бакуфу и сам сёгун находились теперь в Эдо, город быстро расцветал, увеличивалось его население, обогнавшее по количеству столицу Японии Киото и город Осаку. В середине XVIII века здесь уже проживало не менее полумиллиона жителей, а к концу токугавского правления, т. е. к 1868 году, – почти миллион [13].

С падением осакского замка под ударами войск сёгуна был устранен последний мощный оплот оппозиции. И хотя противников у Токугавы по-прежнему насчитывалось немало, никто уже не мог составить ему конкуренцию в борьбе за власть. А это означало, что роль самураев как вечных воинов, готовых умереть за своего господина, стала отходить на задний план. При этом в Японии оставались не у дел тысячи блестяще обученных бойцов, сотни даимё со своими дружинами, многочисленные бродячие ронины. Даймё и семе получали доход от своих земельных наделов, хатамото и гокэнины – паек от сегуна. А остальные? Что же делали самураи – люди, чьим основным занятием была война?

В лучшем положении оказались те, кто получил классическое традиционное воспитание. Они становились художниками, поэтами, лекарями. Многие обучали каллиграфии и «классическим наукам» в небольших школах, а наиболее талантливых призывали ко дворцу сёгуна. Можно было встретить такие «таланты» и при императорском дворце в Киото. Хотя даймё и запрещалось служить в военных структурах императора, но на людей искусства подобные ограничения не распространялись.

Однако уровень образования подавляющего большинства самураев был сравнительно низким. К тому же многие из них, даже при наличии земельных наделов, были не очень хорошими земледельцами. Правда, существовал целый слой самураев, называемых «госи», которые получали земельные наделы от крупных местных землевладельцев. По сути, они становились крестьянами в самурайских одеждах и порой быстро богатели. Свои участки госи получали в награду, в основном, за освоение целины в неплодородных северных районах, а затем могли сдавать их в аренду, нанимать батраков, скупать земли у менее удачливых соседей. Профессиональных крестьянских навыков у госи не было, и наиболее разумные из них просто нанимали опытного крестьянина, назначали его своим управляющим или старостой и поручали ему решать все сельскохозяйственные вопросы. И все же немалая часть госи разорялась, закладывала или продавала свои земли.

Существовала еще одна проблема. Многие даймё не умели вести хозяйство, в земледелии разбирались слабо, зато не упускали возможности купить себе богатое оружие, дорогие наряды и лошадей. «Знатность обязывает», – этого правила даймё придерживались строго и стремились иметь у себя лишь самое лучшее. Тщательно ухоженная внешность, расшитые кимоно, богатые доспехи становились обязательной частью их жизни. Деньги даймё кончались значительно быстрее, нежели приходили поступления от земельных наделов или сёгунских пайков.

Нередки были и задержки с выдачей риса самураям. Рис выдавался из амбаров обычно три раза в год: весной, летом и зимой. Достаточно было одной такой задержки, и не

только рядовые самураи, но даже некоторые даймё попадали в весьма щекотливое положение. Путь был один: к ростовщикам. Фудасаси выдавали рис под залог рисовых квитанций, но при этом требовали еще платить им ростовщический процент.

Фактически при такой системе займа денег (точнее – риса) расплатиться с ростовщиками у даймё и, тем более, у простых самураев не было никакой возможности, и они быстро разорялись. Первым делом даймё распускали свои небольшие армии, что увеличивало и без того немалое число ронинов, бродивших по дорогам Японии.

Кто-то участвовал в тушении пожаров, причем нередко пожары заменяли воинам сражение. Они обряжались в полные боевые доспехи, надевали шлемы и в таком виде бросались спасать объятые огнем постройки.

Был и другой путь у разорившихся и голодных самураев: в бандиты. «Благородные воины» нередко выбирали именно его. Возникали даже банды самураев, которые терроризировали местных крестьян и грабили караваны с продовольствием и товарами.

Правда, находились и «отщепенцы» – воины, которые начинали заниматься гражданскими профессиями. Одни довольствовались плетением сандалий, другие шли в мелкую торговлю. Вначале все это делалось скрытно и стыдливо, но затем, когда процесс разорения самураев пошел быстрее, эти занятия, хотя и продолжали считаться постыдными, становились все более популярными. Поскольку на жен самураев многие ограничения не распространялись, складывалась непредсказуемая коллизия: некогда горделивые особы в поисках пропитания для себя и мужа работали прядильщицами и ткачихами, а некоторые, принимая «сценические имена», подавались в «веселые кварталы».

«Культурный оазис» воина

Самурайство – не просто общность людей, которые умеют сражаться, но прежде всего общность идей, выражаемых этими людьми, особый тип миросозерцания. И такое миросозерцание в эпоху Эдо стало искать себе иной «культурный оазис».

Поскольку грандиозные битвы остаются позади, основная активность самураев перемещается в область культурного развития – «воин» становится «интеллектуалом». Увлечение поэзией и живописью явилось своеобразным продолжением идеологии Бусидо, где «Путь воина» всегда был равен «пути смерти». Это, веками культивировавшееся переживание хрупкости жизни, ее никчемности и символичности, весьма прочно жило в сознании самураев. Однако теперь подобный характер осмысления мира и самого себя в пространстве бытия переносится в область художественных форм.

Свое воплощение самурайский идеал находит в самых различных формах: в строгой чайной церемонии, утонченной икэбане, жанровой живописи, эротическом искусстве и любовных трактатах. Постепенно и боевое искусство начинает эстетизироваться, его идеалы перемещаются в область утонченных форм. Самурайское оружие и латы становятся истинными произведениями искусства, когда даже небольшой щиток для руки на мече (цуба) украшается столь тщательно и искусно, что приобретает самостоятельную художественную ценность.

В отсутствие войн сражения переносятся на подмостки театра Кабуки, где особую популярность приобретают сюжеты «больших поединков» – тати мавари. Именно здесь воинские искусства самураев приобретают предельную ритуализованность. Каждая позиция, каждый жест выверяются до миллиметра, просчитывается каждый шаг, картина боя приобретает утонченность, манерность.

Сцены сражений, наряду с любовными пьесами, были самыми излюбленными сюжетами театра Кабуки, что хотя бы частично восполняло тоску воинов по сражениям и странствиям, в которых теперь уже не было необходимости. Сценические поединки могли проводиться как на настоящих катанах, так и на бамбуковых мечах, они изобиловали хитроумными приемами, бросками и акробатическими элементами. Порой на сцене сражались свыше двух десятков воинов, что сопровождалось ритмичными ударами деревянных кастаньет по полу (цукэ). Именно на подмостках Кабуки можно было увидеть наиболее красивые и зрелищные приемы боя на мечах – не случайно инструкторами в театральных труппах служили известные мастера катаны. Поединки на мечах можно было

встретить и в так называемых «воровских пьесах» (сиранамимоно), приобретших особую популярность в XIX веке. В них речь шла в основном о неких Робин Гудах японской традиции – разбойниках и весельчаках, а пьесы были насыщены сценами сражений и страстной любви. Именно в «воровских пьесах» мы встречаем отголоски искусства лазутчиков-ниндзя, или синоби: умение переодеваться, менять облик, тайно пробираться в дома богатых самураев. Например, знаменитый бандит Бэнтэн Кодзо – классический ниндзя в пьесе «Сиранами гонин отоко» («Бэнтэн Кодзо и его воровское братство») – переодевается женщиной, чтобы проникнуть в закрытый магазинчик и обворовать его, причем манеры Бэнтэна столь утонченны, а походка так женственна и привлекательна, что никто не может разглядеть в нем мужчину. Бэнтэн даже страдает от недвусмысленных намеков нескольких самураев и вынужден отвечать на их поцелуи. Пробравшись в лавку, Бэнтэн сбрасывает женские одежды и совершает задуманное. Примечательно, что в пьесе этот ловкий вор выведен как положительный герой.

Японская культура начинает обыгрывать человеческое бытие как нечто условное. Мир хотя и реален, но не имеет постоянной формы, вечно находится в состоянии трансформации. Актер классической драмы Но точнейшим образом копирует своего персонажа, но за этой имитацией (мономанэ) должен обязательно стоять внутренний, не выражаемый словами мир – пространство «югэн», т. е. «потаенного», «темного», «сокровенного».

Речь шла прежде всего о некоем эстетическом переживании другого предмета как внутреннего идеального двойника в себе, о некоем «единочувствии», моно-но аварэ – «чувство в вещах», или «соощущение вещей и явлений». Это переживание в общем сводилось к очарованию этими вещами, которое было возведено в принцип эстетической традиции – «очарование вещей» (аварэ или аварэ-но моно). Отсюда и проистекает столь характерное для японской эстетики восхищение чем-то, на первый взгляд, неживым, например, в беспорядке лежащими камнями – благодаря «моно-но аварэ» они «оживляются». Так перекидывается мост между живым и неживым, между естественным и искусственным в жизни человека. Именно эту функцию выполняли «сады камней», или «сухие сады», самым известным из которых стал сад XV века Рёандзи.

Точно таким же образом некая манерность, наигранность, позерство самурая, его подчеркнутая вежливость наряду с удивительной грубостью и жестокостью служили не более чем символами предельной естественности тех чувств, которые воин воплощает своим поведением в данный момент. Здесь рождается особый тип искренности, которая оправдывает и делает неразличимыми и искреннюю жестокость, и искреннее милосердие. Главное, чтобы человек целиком присутствовал в самом акте действия, как того требовал дзэн-буддизм, целиком отдавался не столько цели (и тем более не ее морализаторскому осмыслению), сколько самому процессу делания, творчеству.

Традиционное японское «любование» каким-нибудь явлением – суть все того же процесса самоидентификации, отождествления себя с ним, обнаружения себя «истинного» в природе. Существовало, например, «любование осенними листьями клена» (момидзигари). Поэтов особенно вдохновляло любование луной (цукими), художников – любование тихими снегами (юкими), не случайно засыпанная снегом деревушка становится частым сюжетом японских картин. В основе аранжировки цветов – икэбаны – лежит принцип любования цветами (ханами).

Парадокс такого «любования» заключается в том, что изначально ясен конечный пункт этого действия. За совершенной внешней формой может скрываться лишь одно – Пустота как философская категория, проповедуемая дзэн-буддизмом. Пустота понимается как исток, завершение и в то же время предельная точка развития всякого явления.

Речь идет о постоянном упрощении, низведении всякой формы до ее изначальной структуры, вплоть до абсолютного рассеивания в Пустоте. Это отражается в тяготении к монохромной живописи, «где дух наблюдателя рассеивается в пустоте», в «сухих пейзажах», составленных из камней в садах, в предельно упрощенной икебане из трех или семи сухих веточек. Все низводится к символу как к глобальному знаку бытия все той же Пустоты. Не случайно излюбленным сюжетом стал пустой, в один удар кистью начертанный круг. Его рисовали в ответ на просьбу изобразить «себя истинного», или «кем ты был, когда тебя не было», или «нарисовать истину». Здесь форма не должна мешать содержанию, сколь бы потаенно и глубинно оно ни было.

Самурайская культура, особенно в период Момояма и начале периода Эдо (XVI-XVII вв.), все больше обращается к символическому действию, и расцвет этой традиции наступает тогда, когда основные сражения самурайской истории уже отгремели, т. е. к XVII веку. Теперь боевое искусство целиком сливалось с чисто эстетическим переживанием, а самурайство, не отвлекаемое постоянными сражениями, имело возможность заниматься изящными искусствами и развивать себя интеллектуально. Перед нами любопытный факт – то, что мы называем «самурайской культурой», начало расцветать именно тогда, когда суть самурая как вечного воина стала отходить на задний план.

Многообразие мира – в простоте

На востоке свою истинную ценность всякая вещь приобретает лишь со временем, когда в ней как бы «высветляются» доподлинные, глубинные свойства. Японцы называют это «саби» – дословно «паутина времени», «ржавчина веков». Даже дорогой доспех самурая обязан соотноситься с глубоким прошлым хотя бы по своему «покрою». Лучшая посуда для чайной церемонии – не та, что утонченно украшена, но та, которой пользовались еще несколько веков назад, возможно, уже потрескавшаяся от времени и с облетевшей местами глазурью. Здесь речь идет об особом свойстве японского эстетического сознания – вечном убегании в древность, соотнесении себя с людьми прошлого, а, точнее, с состоянием их сознания.

В концепции «саби» заключена важнейшая дзэнская мысль об абсолютном круге существования – все, что рождено, умирает, возвращаясь к своему началу, к праху, к «ржавчине веков», тем самым предопределяя новое рождение, вечность. Современный дзэнский мастер Ито Тэйдзи заметил по этому поводу: «Саби – это истина естественного цикла рождения и возрождения».

Примечательно, что понятие «саби» могло использоваться и для обозначения состояния, которое должен испытывать самурай, готовясь сделать себе харакири. Это чувство, близкое к эстетическому переживанию, ощущение себя членом этого «цикла рождения и возрождения», достигаемого через умирание. Обряд сэппуку становился воплощением вечного возвращения.

Всякий жест в поведении самурая призван быть «доведенным до простоты естественности», воплощать другой классический принцип эстетики – ваби. Понятие «ваби» происходит от глагола «вабу» – «приходить к изначальной простоте», «становиться естественным». Этот глагол можно встретить в древних литературных, в основном стихотворных, памятниках, например, «Манъёси и Кокин-сю». Первоначально «ваби» означало некую абсолютную простоту стиха, когда за несколькими краткими строчками или символическим движением открывается внутренний мир беспредельной глубины. Подобным образом ритуальный жест превращается в сакральный символ, выполняет поистине мироустроительную функцию. Поворот головы, наклон корпуса,

рука, лежащая на рукояти меча, лишь потому имеют значение, что являются прямым отображением неких небесных соответствий и одновременно сами конструируют окружающий Космос.

Совершенная форма любого действия и явления передает некое неуловимое изящество самого простого, что может быть в мире, – суки. Первоначально это понятие означало очарование, плененность редкостью и необычайностью. Но в эпоху расцвета самурайской культуры суки становится синонимом очарования именно неуловимоизящным, неброским, необычным и при этом предельно простым, например, скромной деревянной шкатулкой со странными сероватыми и бесформенными разводами на крышке (такой художественный стиль так и назывался: «дымка» – кавагири). По существу, речь идет о духовном проникновении в суть вещей, об интимном слиянии с ними.

В «призрачном мире» укиё начинает нарождаться образ самурая-эстета, для которого наслаждение очарованием вещей превращается в суть жизни. Это сукино-хито – дословно «человек, восхищенный миром», человек неординарный, выдающийся, отмеченный порой несколько необычным поведением. Он – эстет и интеллектуал. Он – игрок в этой жизни, прекрасно понимающий ритуальную и сакральную суть игры, как актер театра масок Но.

Вырабатывается и особая стилистика жизни, называемая ваби цзумаи («неприхотливая жизнь») или вабисии («живущие в простоте»), – предельная простота, непритязательность в манерах, которая часто особым образом подчеркивалась. Тем же термином может обозначаться и жизнь, полная лишений и несчастий, нищенство. В рамках средневековой культуры воинов понятие «ваби цзумаи» приобрело явный оттенок элегантности, норматива жизни «во истину».

Такая простота подразумевает легкую незавершенность, некое нарочито допускаемое несовершенство, что должно восприниматься как нежелание человека «приукрашивать» естественность самих вещей. Отсюда подчеркнутая незавершенность и незаконченность и в эстетических формах. Таковы, например, «недоговоренные стихи» хайку, в которых отсутствует последняя, четвертая строфа. Читатель ощущает ее наличие явственно, почти болезненно, но не встречает ее. Всего лишь один удар кистью по бумаге, странный и на первый взгляд непонятный росчерк на самом деле представляют собой каллиграфическую стихотворную строфу, а туманный размыв туши – изображение бурного горного потока. Именно на этой недоговоренности первоначально и базировалась живопись тушью – суми-э. Ее исток, как и подавляющего числа других самурайских искусств, лежит в Китае. Первыми создателями картин суми-э были не профессиональные художники, а в основном дзэнские монахи или особо искушенные в изящных искусствах самураи. Лишь позже появилась целая плеяда талантливейших людей, которые сделали создание картин суми-э своей профессией.

К XVII-XVIII векам самурайская культура все больше и больше уходит в символ как некий священный знак внутреннего бытия. Символичность действия начинает особым образом подчеркиваться, специально оттеняться. Особую роль теперь играют детали формы. Это проявилось в миниатюризации, например, повышенном внимании к мельчайшему завитку в богатом декоре самурайского доспеха, тяготении к «садам в

цветочной вазе» – выращивании карликовых деревьев (бонсай) и создании миниатюрных ландшафтов (бонкэй) на специальных блюдах, порой не больше обычной тарелки для еды. Логика развития японской цивилизации подвела сознание японцев к поискам «великого в малом», «вечного в ничтожном».

Японцы не изобретали художественную форму (это традиция Китая), но, скорее, особым образом деформировали естественную, дабы оттенить «истинность», скрытую за внешними предметами. Это и потребовало рождения неких «предельных» форм, например, очень маленьких деревьев и «ландшафтов на блюде», лаконичной, в три веточки, аранжировки цветов, пейзажей в виде непонятных размывов туши, где формы, скорее, «прозреваются», нежели действительно различаются. Эти особенности мы можем обнаружить даже в манере боя, которая выработалась в японской традиции. Так, в кэндо ценилось малое число взмахов мечом, порой доведенное до одного мастерского удара (цай-дзюцу – «искусство одного удара мечом»), а сами приемы с оружием, в отличие от многоцветной китайской традиции ушу, были крайне скупы и подчеркнуто просты.

Оборотной стороной миниатюризации жизни, низведения ее к «мельчайше-утонченному» становится предельная гиперболизация, граничащая с гигантоманией. Например, место поклонения самураев – грандиозная статуя Будды Вайрочаны в городе Нара, высота которой вместе с пьедесталом составляет двадцать два метра, а один глаз Будды вытянут на целый метр! Сама статуя была отлита из бронзы, свинца и золота в середине VIII века, а в XII столетии вокруг нее был сооружен храм Тодайдзи и перед ним разбит парк. К XVI веку этот храм становится местом паломничества всех самураев, отправляющихся на войну.

Сад наслаждений

С самого начала жанр укиё-э начинает все больше и больше тяготеть к эротике. Что может лучше передать мимолетность наслаждений в «быстротекущем мире», чем эротический акт! Один из «шести великих» художников эпохи Эдо – Нисикава Сукэнобу, а также знаменитые на весь мир мастера Хокусай и Утамаро отдали дань изготовлению многокрасочных эротических изображений. Это самые яркие представители жанра.

В конце концов самурайская культура приходит к ее предельной эротизации, часто скрытой, но все чаще и чаще – явно показной. Это обстоятельство стыдливо обходится во многих исследованиях истории воинского сословия Японии. Эротизм, придавая культуре оттенок особой изощренности, играет немалую роль в формировании взглядов воинов и становится важнейшей частью их «изящных развлечений» (югэй).

В восточной культуре сексуальные отношения – всегда нечто большее, чем интимное общение двух людей. Из глубокой древности приходит сознание некоей символичности, условности человеческого соития, поскольку «истинное» соединение происходит не на земле, а где-то в пространстве Небес. В частности, в Китае считалось, что контакт мужчины и женщины есть проекция соединения противоположных начал инь и ян. Не случайно именно сексуальные методики становятся самыми ранними способами «достижения просветления» и «бессмертия», причем, намеки на них мы можем встретить уже в текстах IV-III веков до н. э., т. е. за несколько столетий до разработки даосских дыхательных и медитативных способов продления жизни! В японской культуре закрепилось отношение к сексуальным связям как к некоей «космической игре», где противоположные начала должны быть четко и недвусмысленно определены: мужчина должен быть мужественным до грубости, женщина предельно слаба и податлива, «как низина, принимающая в себя все водные потоки».

Во многих рассказах и на некоторых рисунках можно встретить сюжет, где увлекшийся и расслабившийся самурай, весело проводивший время с гейшей, изображен именно в тот момент, когда он испытывал наивысшее наслаждение. Здесь речь идет не просто о выборе удачного с чисто практической точки зрения мгновения для покушения. Сам по себе этот момент является продолжением той же эстетики, о которой мы говорили чуть выше: умереть в миг предельного переживания бытия. Особенным умением приносить «сладкую смерть» отличались женщины-ниндзя (куноити), которые соблазняли самураев и убивали их в постели, пронзив им горло заколкой для волос либо удушив простынями.

В культуре укиё (на большинстве рисунков), на подмостках театра Кабуки самурай предстает перед нами как благородный воин, преисполненный изящества. Он умен, утончен в манерах и речах. Самурай милосерден к женщинам и слабым, готов простить проигравшего противника. Но вглядимся в рисунки укиё-э, связанные с эротикой в жизни воинов, исполненные известными художниками той эпохи, например, Хокусаем и Утамаро. Становится очевидным, что «в битвах на полях из атласных подушек» самурай остается могучим и безжалостным воином даже наедине с прекрасной дамой. «Воинская» символика взаимоотношений с миром и другими людьми перекочевала даже в область интимных и семейных отношений. Самурай побеждает женщину, «берет с боем» даже при ее согласии – ведь он воин, а настоящему воину не нужен слабый противник.

В таком же грубо-мужественном облике предстают и ниндзя, которые в большинстве

были теми же самураями. Десятки изображений и фольклорных рассказов представляют их в виде безжалостных насильников. Широко известны многочисленные истории про то, как ниндзя под покровом ночи пробирался в дом богатого даймё и насиловал юных служанок. Вероятно, одними из самых ранних изображений ниндзя являются рисунки в книге Цукиока Сахэя (1770), где человек, одетый в черный костюм с капюшоном, насилует девочку-прислужницу.

Нетрудно заметить, что чисто «воинское» отношение к эротике не является случайностью, подтверждением тому служат сотни изображений, характерных для живописи укиё-э. Обычно такие рисунки сопровождались нанесенным на них текстом, подробно описывающим переживания героев, и картина превращалась в подобие современного комикса.

Японская среда не выработала в себе легкой куртуазности, присущей культуре трубадуров в Западной Европе, не знала сладко-мучительного психологизма интимных отношений. На Востоке психологическое тотчас обретало свое физически ощутимое воплощение.

В Японии это находило оправдание в традициях синтоизма, который был связан с культом плодородия и фаллического начала как символики глобального «осеменения» земли Небом. Позже здесь сформировалась и теория энергетического обмена во время сексуального акта, что при соблюдении всех канонов наполняло мужчину невероятной энергией, продлевало его годы и позволяло соприкоснуться с космическими силами. Последнее утверждение (а в нем заметно решающее влияние сексуальных методик китайского даосизма) как нельзя лучше подходило сознанию самураев.

Постоянное присутствие мотива мужественности в их жизни проявилось в создании своего рода фаллического культа. Нашлось этому оправдание и в культурной традиции: божеством, связанным с императорской семьей, и покровительницей воинов считалась богиня солнца Аматэрасу, первый иероглиф имени которой – «ама» – мог пониматься и как «пенис».

Своеобразным апофеозом развития идеологии укиё явилось создание в Эдо (при одобрении самого сёгуна Иэясу) особого квартала развлечений Ёсивара («Тростниковая долина»), официально существовавшего до 1957 года. Этот «квартал красных фонарей»

получил свое название от небольшого местечка на Токайдо – Мото Ёсивара, откуда происходило немало прелестных девушек, удовлетворявших самые интимные запросы путешествующих самураев.

Ёсивара становится местом сосредоточения всего того, что соприкасалось с «текущим миром» укиё. Здесь творили известнейшие художники, например, Утамаро, сюда приезжали самые богатые и знаменитые даймё со всей Японии. Доселе эфемерный мир укиё получил свое реальное воплощение в этом квартале Эдо, не случайно прозванного Фулаё – «город, где не бывает ночей». Ёсиваре начинают подражать, это уже не столько квартал, сколько стилистика жизни самураев XVII-XVIII веков; свои «кварталы красных фонарей» появляются в Киото (Симабара) и Осаке (Симати).

«Веселые певички» начинают играть заметную роль в культуре, сильно отличающуюся от того, что мы можем наблюдать в других традициях. Обратим внимание, что их повседневная жизнь состояла из круглосуточного общения с самураями. Ойран (так именовались обитательницы мира наслаждений) быстро превратились едва ли не в лучших знатоков всех дзэнских искусств, которые долгое время считались привилегией самураев: они обслуживали чайную церемонию, мастерски владели икэбаной, неплохо слагали стихи, прекрасно разбирались в литературе.

Особый тип эротического вуайеризма пронизывает воинскую культуру наслаждений. Например, в книге «Эхон Такара-гура», проиллюстрированной знаменитым представителем укиё-э Ута-маро, мы можем встретить забавную иллюстрацию из жизни ниндзя. Весьма откровенно изображенная любовная пара увлечена друг другом, а ниндзя, одетый в традиционные черные одежды, с явным любопытством наблюдает за их действиями, спрятавшись за раздвижной стеной-сёдзи. Одну руку он держит на рукояти меча, за поясом у него короткая пила для проникновения через двери. Перед нами не столько изображение того, как ниндзя выбирает удобный момент для атаки (на рисунке он явно заинтересован другим), но и иллюстрация уже известной нам тяги к «любованию», типологически схожей с «любованием» цветами, листьями клена, луной или «сухими пейзажами» из камней в состоянии аварэ (очарования вещами).

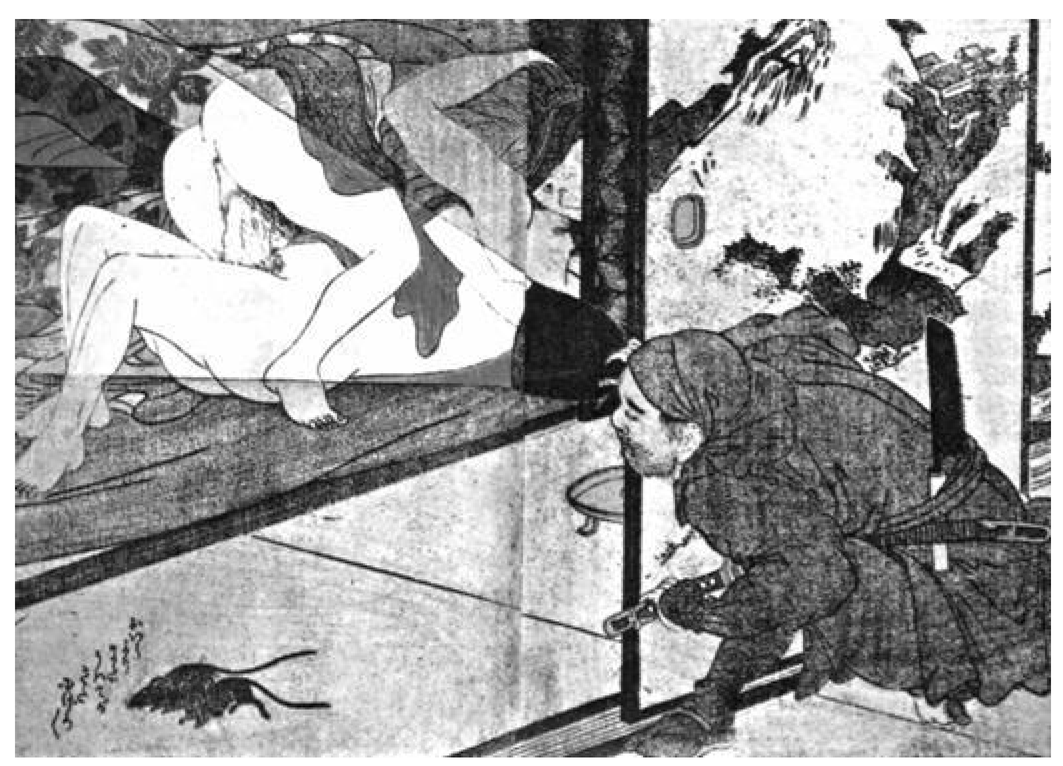
Подобное изображение «любования» можно встретить в работах школы Утамаро: самурай-муж, застав свою жену с любовником, занимается тем, что с видимым удовольствием (об этом недвусмысленно свидетельствует и иероглифический комментарий) наблюдает за ними.

Мотивы совмещения эротического акта с другими дзэнскими искусствами видны практически на всех картинах. Например, самурай во время занятий любовью попивает чай, доливая себе воду из изящной чаши (мотив чайной церемонии); другой, явно насилуя женщину, любуется прелестной икэбаной; третий очарован пейзажем за окном; четвертый устремил свой взгляд на живописный свиток с изображением ветки сакуры, что висит в проеме стены. Почти всегда на таких рисунках изображены книги – любовники могут читать их либо вместе, либо трактат зажат в зубах женщины, что должно символизировать знание любовных канонов.

В самурайской Японии, равно как и в Китае, однополая любовь никогда резко не противопоставлялась связи между мужчиной и женщиной. Синтоизм с его культом Аматэрасу в немалой степени способствовал развитию фаллического культа и переносу интереса с женщин на лиц своего пола. Однополая любовь быстро становится культурной нормой, выходя на театральные подмостки, служа темой для многочисленных рассказов, поэм, художественных свитков. Например, известная средневековая история (наиболее полно изложенная в эротической новелле «Кой-но Яцу Фудзи»), нередко используемая как сюжет порнографических иллюстраций, рассказывает о мужественном самурае, который соблазняет мальчика, плененный его красотой. Но тут происходит чудесное превращение: юноша обращается в прелестную девушку, и самурай овладевает ею. Конец этой истории выдержан в духе самурайской истины о том, что «за высшим наслаждением следует только смерть». В критический момент появляется уже пожилой сводный брат красавицы и пронзает самурая мечом. Странствующие самураи, равно как и некоторые монахи, нередко предпочитали компанию одного или нескольких юношей, которые считались его последователями [14].

Эта особенность самурайской культуры наиболее ярко проявилась в концепции театра Кабуки. Первоначально труппы Кабуки состояли целиком из женщин, но из-за проблем, связанных с общественной моралью, при Токугавском сёгунате с 1629 года было запрещено выступление женщин на театральных подмостках. С того времени все женские роли стали достоянием мужчин, даже возникло своеобразное «женское» амплуа – он-нагата, или ояама. Нередко на подмостках разыгрывались чувственные любовные сцены между героем и героиней, где обе роли исполнялись мужчинами.

Под маской бесконечной мужественности самураев скрывается некая неуравновешенность самой самурайской культуры. Ее идеал лежит одновременно в различных, часто несопоставимых между собой пластах, которые соединяются причудливым образом. И порой складывается впечатление, что самураи оказались просто неспособными достичь тех высот мужественности, которые сами же себе и установили.

Миямото Мусаси. Книга пяти колец

Мне снился сон. Я был мечом.
В металл холодный заточен,
Я этому не удивлялся.
Как будто был здесь ни при чем.
Мне снился сон. Я был мечом.
Взлетая над чужим плечом,
Я равнодушно опускался.
Я был на это обречен.
Мне снился сон. Я был мечом.
Людей судьей и палачом.

Г. Л. Олди

Введение

Яв течение многих лет практиковался в Пути воина, называемом мною «Искусством школы двух мечей» [1 - Далее в тексте – школа Ити-рю.], и сейчас впервые задумал изложить мой опыт в книге. В десятый день десятого месяца двадцатого года эры Канъэй (1643) я поднялся на гору Ивато в провинции Хиго, (на острове Кюсю), чтобы помолиться Небу. Я хочу помолиться Каннон [2 - Каннон – буддийское божество милосердия.] и склонить колени перед Буддой. Я воин из провинции Харима – Симмэн Мусаси-но-Ками

Фудзивара-но-Гэнсин. Мне шестьдесят лет.

С самой молодости мое сердце прикипело к Пути боя. Тринадцати лет от роду я вступил в свою первую схватку и побил некоего Ариму Кихэя, последователя школы фехтования Синто-рю. Когда мне исполнилось шестнадцать лет, я победил еще одного способного бойца – Тадасиму Акияма. В возрасте двадцати одного года я отправился в столицу и дрался там с различными мастерами клинка, ни разу не потерпев поражения.

Далее я ходил из провинции в провинцию, сражаясь с бойцами различных школ, и побеждал всех. В тот период моей жизни – между тринадцатью и двадцатью девятью годами – я провел более шестидесяти серьезных поединков. Когда мне исполнилось тридцать лет, я оглянулся на свое прошлое и понял, что своими победами никак не обязан Пути воина. Возможно, бойцовский талант был дарован мне волей Неба. Возможно, учения других школ были несовершенны. Как бы там ни было, несмотря на очевидные успехи на боевом поприще, я не успокоился и продолжал тренироваться с утра до вечера, пытаясь найти Принцип, и пришел к пониманию Пути воина к пятидесятилетнему возрасту.

С тех пор я живу, не следуя никаким особенным правилам. Обладая пониманием Пути воина, я практикуюсь в различных искусствах и ремеслах, но всюду отказываюсь от помощи учителей. При написании этой книги я не стану пользоваться ни Законом Будды, ни учением Конфуция, ни старыми военными хрониками, ни учебниками по тактике. Я беру в руки кисть, чтобы изъяснить истинный дух школы Ити так, как он отражен в Пути Небес и душе Каннон.

Сейчас ночь десятого дня десятого месяца, час тигра.

План «Книги пяти колец»

Путь воина представлен мной в «Горин-но-се» – «Книге пяти колец». Она состоит из пяти отдельных книг, в которых я рассматриваю различные аспекты Пути, охватывающего Землю, Воду, Огонь, Ветер и Пустоту.

Основы Пути воина, исходя из взглядов моей школы Ити-рю, обрисованы в «Книге Земли». Трудно постичь истинный смысл Пути только через фехтование. Постарайся познать самые малые и самые большие земные вещи, сравни самые мелкие из них с самыми глубокими. Перед тобой прямая дорога, ясно прочерченная на твердой почве.

Что характерно для «Книги Воды»? Уподобим свой дух воде. Вода принимает формы любого сосуда. Иногда она – ручеек, иногда – бурное море. Ее признак – чистый голубой цвет. Исполнись чистоты.

Ты освоил принципы фехтования. Ты свободно можешь победить одного бойца. Значит, ты можешь победить любого человека в мире. Дух победы над одним противником подобен духу победы над десятью тысячами врагов. Стратег через маленькую вещь постигает большую. Так скульптор создает большую статую Будды по миниатюрной модели. Я не могу пояснить подробно, как это происходит, но цель такова: имея один предмет, понимать десять тысяч. Методы школы Ити-рю описаны в «Книге Воды».

«Книга Огня» говорит о схватке. Дух огня – ярость, независимо от того, велик огонь или мал. То же самое – в сражении. Дух боя одинаков как для поединка, так и для сражения, где с каждой стороны – по десять тысяч бойцов. Ты должен принять положение, что дух может быть и мал и велик. Легко заметить великое, малое трудноразличимо. Иначе говоря, большой массе людей труднее изменить позицию, их перемещения легко предсказать. Движения одиночки предугадать нелегко. Ты должен впитать это. Суть «Книги Огня» в том, что ты должен тренироваться днем и ночью и научиться принимать быстрые решения. Тренировка – часть твоей нормальной жизни, укрепляющая дух. Таким образом, правила поединка описаны в «Книге Огня».

Четвертая часть труда – «Книга Ветра». Она не имеет отношения к моей школе Ити-рю, она – о других школах боя. Под «ветром» я подразумеваю традиции старины, новые

веяния и семейный уклад жизни воина. Я подробно описываю технику различных школ боя. Это необходимо. Трудно познать себя, если не имеешь представления о других. У всех дорог есть свои ответвления. Ты можешь ежедневно изучать какое-либо направление, замечая, что твой дух отклоняется, но искренне считая, что стоишь на правильном пути. Однако объективно это не будет истиной. Даже следуя истинному Пути, устраняй малые погрешности, ибо в будущем они могут превратиться в большие отклонения. Ты должен усвоить это. Сейчас многие школы боя пришли к тому, что их считают только школами техники схватки, и это произошло не без причины. Преимущество моей школы основано на ином принципе. В «Книге Ветра» я объясняю, что обычно понимают под искусством боя другие школы.

«Книга Пустоты». Под «пустотой» я понимаю то, что не имеет начала и конца. Постижение этого принципа означает его непостижимость. Путь воина – это Путь природы. Когда ты почувствуешь силу природы, ощущая ритм каждой ситуации, ты будешь способен наносить удары и атаковать противника естественно. Это – Путь пустоты. Я намерен показать, как следовать ему, согласуясь с природой.

Книга земли

Путь боя – это искусство воина. Самурай должен следовать ему, а простые воины – знать о его существовании. Но сейчас в мире нет воинов, отчетливо понимающих Путь боя.

В системе мироздания существуют различные Пути. Есть Путь Спасения посредством соблюдения Закона Будды, есть Путь Конфуция, управляющий процессом любого обучения, Путь врачевания, учения поэтов, есть Путь чая, Путь стрельбы из лука, а также множество Путей других искусств и умений.

Каждый изучает то, к чему имеет естественную склонность.

Говорят, что Путь воина есть обоюдное слияние Путей кисти и меча и каждый, стремящийся к постижению, должен достичь достаточных высот на обоих поприщах. Неважно, если человек не имеет естественных талантов в этих областях, – неустанно упражняясь, он сможет приобрести необходимые навыки, чтобы в дальнейшем принять главную идею Пути воина.

Путь воина есть решительное, окончательное и абсолютное принятие смерти, тщательное соблюдение кодекса чести Бусидо.

Самурай обязан следовать Пути воина. Я нахожу, что сейчас многие пренебрегают этим. Кто ответит сейчас «Что есть Путь воина?» Никто. Потому что сердца людские закрыты перед истиной. Под Путем воина понимается смерть.

Он означает стремление к гибели всегда, когда есть выбор между жизнью и смертью. И ничего более. Это значит прозревать вещи, зная, на что идешь. Фраза: «Если умираешь, а твои намерения не поняты, то умираешь напрасно», – отвратительна. В ней нет решимости следовать однажды принятому Пути перед лицом выбора. Каждый, кто заботится прежде всего о себе, теоретизирует, имея в голове одно желание – выжить. Но мысль о том, что смерть в неудаче – напрасная смерть, абсурдна сама по себе. В смерти нет стыда. Смерть – самое важное обстоятельство в жизни воина. Если ты живешь, свыкнувшись с мыслью о возможной гибели и решившись на нее, думаешь о себе как о

мертвом, слившись с идеей Пути воина, то будь уверен, что сумеешь пройти по жизни так, что любая неудача станет невозможной, и ты исполнишь свой долг как должно.

Слуга должен неустанно радеть о благе своего сюзерена, тогда он – достойный вассал. На протяжении веков в нашем доме рождались достойные мужчины, предания об их добродетелях по сей день впечатляют нас. Это наши предки. Каждый без колебания отрекался от спасения своей плоти и более того – души, ради своего господина.

Каждый из нашего рода был отмечен благодатью мудрости и одарен умением добиваться высот профессионализма в любом деле. Какая радость использовать эти качества во благо!

Однако следует помнить, что даже самый, казалось бы, никчемный человек может считаться достойным, если всего лишь помышляет о благосостоянии господина, отрекаясь от себя. Искать практических выгод, используя свои профессиональные познания, вульгарно.

Одни люди способны к неожиданным озарениям. Другие плохо осваивают ситуацию и приходят к решению проблемы после долгого обдумывания. Способности людей различны. Однако, если ты держишь в уме Четыре Заповеди, твое сознание поднимается выше забот о собственном благополучии, тобой начинает управлять мудрость, не зависящая от низменных помыслов. Многие тщательно размышляют о вещах, скрупулезно планируют будущее, но зачастую их расчеты имеют целью достижение личных выгод. Такой пагубный образ мыслей влечет за собой пагубные поступки и приводит к плачевным результатам. Глупцам трудно отстраниться от заботы о своем благосостоянии.

Поэтому, когда начинаешь какое-либо дело, вначале сосредоточься на Четырех Заповедях и устрани себялюбие. Тогда неудача станет невозможной.

Вот они:

• Не опоздай встать на Путь воина.

• Стремись быть полезным хозяину.

• Чти предков.

• Поднимись над личной любовью и личным страданием – существуй во благо человеческое.

Помни, не только воины, но и монахи, и женщины, и крестьяне, и даже совсем низкие люди порой с готовностью умирают во имя долга или чтобы избежать позора. Это все – не то.

Воин отличается от этих людей, потому что изучение Пути боя основано на поражении противника. Добиваясь победы, скрещивая мечи с отдельными противниками или участвуя в крупных сражениях, мы добываем славу не для себя, но для сюзерена.

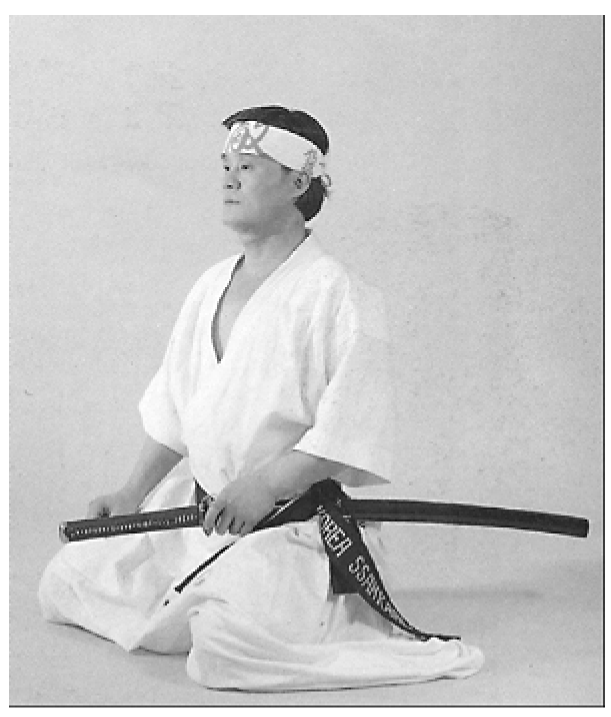
В этом – добродетель Пути воина.

//-- О пути воина --//

В Китае и Японии бойцы, практикующие этот путь, назывались мастерами боя.

Сейчас появились люди, столь же громко себя именующие, но они, в основном, являются лишь простыми фехтовальщиками. Служители древних храмов Касима и Кантори получили свое искусство из рук богов и основали боевые школы, сообразуясь с божественными наставлениями. Они странствовали из провинции в провинцию, обучая людей.

В старые времена искусство боя упоминалось среди «десяти талантов и семи искусств» как благодетельная практика. Путь воина являлся искусством, и его применение не ограничивалось лишь фехтованием. Истинный смысл Пути далеко выходит за рамки овладения приемами боя.

Взглянем на мир. Мы увидим, что творчество зачастую становится предметом торговли. Люди изощряются в изобретательстве, стремясь получить скорую выгоду, продавая

приобретенные на начальной стадии постижения навыки, тем самым искажая суть происходящих с ними изменений. Здесь уместна аналогия с плодом и его цветком. Превознося достоинства цветка, мы невольно умаляем значение плода. На Путь воина нередко становятся люди – и ученики, и преподаватели искусства боя, – озабоченные стремлением поразить окружающих блеском мастерства, похваляясь совершенством техники фехтования.

Иными словами, они пытаются ускорить расцвет растения, спровоцировать завязь плода, что никому не под силу. Эти люди рассуждают о преимуществах той или иной школы, но на деле лишь ищут выгоды. Кто-то в свое время сказал: «Плохое знание основ – причина больших бед». Очень верное высказывание.

Существуют четыре Пути, по которым мужчины идут в своей жизни.

Первый из них – Путь земледельца. Используя сельскохозяйственные инструменты, человек выращивает рис и овощи, сообразуясь со сменой времен года.

Второй Путь – Путь торговца. Он живет, продавая плоды своего труда и получая выгоду, поддерживая свое существование.

Третьим Путем идет благородный воин, несущий свое вооружение. Путь воина – овладение достоинствами своего оружия. Но если самурай не любит Путь, как он сможет определить пользу, приносимую его клинком? Воин должен обладать развитым вкусом.

Четвертый Путь – Путь ремесленника. Ремесленник должен стать искусным в обращении со своими инструментами, он намечает план строения с выверенными пропорциями, а затем исполняет работу, сообразуясь с замыслом. Так проходит жизнь ремесленника.

Таковы четыре Пути – Путь земледельца, Путь торговца, Путь воина и Путь ремесленника.

//-- Путь воина и путь ремесленника --//

Сравним Путь воина с Путем ремесленника. Сравним строительство дома и войну. Ремесленник имеет общий план строения, воин, подобно ему, имеет план битвы. Если хочешь изучить ремесло войны, вчитывайся в эту книгу.

Как и зодчий, военачальник должен знать естественные законы, и законы страны, и законы возведения домов. Это Путь военачальника.

Зодчий должен знать теорию строительства башен и храмов. Он знает планы многих дворцов, он следит за набором людей, чтобы возводить здания. Путь зодчего тот же, что и Путь военачальника.

Перед началом строительства зодчий отбирает пригодный материал. Ровные стволы без сучьев, красивые на вид, используют для открытых колонн, прямые стволы с небольшими дефектами пускают на внутренние опоры. Стволы безупречного вида, хотя бы и не очень прочные, пускают на пороги, притолоки, двери и раздвижные стены. Хорошее дерево, даже узловатое и суковатое, всегда можно рационально использовать в постройке. Дерево слабое или совсем корявое пускают на леса, а позже рубят на дрова.

Зодчий распределяет работу между работниками соответственно их способностям. Он ставит задачи перед укладчиками полов, изготовителями раздвижных перегородок, порогов, притолок, потолков и т. д. Обладающие меньшим умением обтесывают половые балки пола, а тот, кто умеет совсем мало, режет клинья и выполняет подсобную работу. Если зодчий хорошо знает и правильно распределяет своих людей, выполненная работа будет хороша.

Зодчий должен принимать во внимание способности своих людей, учитывать их

недостатки и не требовать ничего невозможного. Он обязан понимать настроения рабочих и подбадривать их, когда это необходимо. Таковы же и принципы Пути воина.

Если ты хочешь изучать Путь, глубоко размышляй о вещах, рассматриваемых в этой книге, перебирая одну за другой. Ты должен проделать большую работу.

//-- Искусство школы Ити-рю --//

Воины носят два меча. В старые времена их называли «длинный меч» – катана и «меч» – вакидзаси; сейчас они известны как «меч» и «меч-компаньон». Достаточно сказать, что в нашей стране, по какой бы то ни было причине, воин носит два меча на поясе. Таков Путь воина.

Моя школа Ити-рю демонстрирует преимущество использования обоих мечей.

Копье и алебарда – оружие, которое носят вне помещения.

Ученики школы Ити-рю должны всегда тренироваться с обоими мечами в обеих руках. Это истинно: рискуя жизнью, ты обязан максимально использовать свой арсенал. Неправильно поступать иначе и умирать с необнаженным оружием.

Если держишь меч двумя руками, сложно свободно направлять его направо и налево, так что мой метод – держать по мечу в каждой руке. Это правило не относится к громоздкому оружию, такому, как алебарда или копье, но меч и меч-компаньон можно держать одной рукой. Тяжело держать меч двумя руками, сидя в седле, или когда бежишь по неровной дороге, болотистой местности, грязному рисовому полю, каменистой почве, или когда действуешь в толпе. Длинный меч в обеих руках не истинный Путь, ибо такая позиция мешает тебе пустить в дело лук, копье или иное оружие. Однако, когда трудно разрубить противника одной рукой, ты должен использовать обе. Можно в бою направлять клинок одной рукой. Путь научиться этому – тренироваться с двумя длинными мечами. Поначалу это кажется сложным, но все сложно поначалу. Трудно натягивать лук, трудно орудовать алебардой; но, когда привыкаешь к ним, твоя воля становится крепче. Когда привыкнешь вращать длинный меч, ты достигнешь силы Пути и станешь легко управляться с ним.

Как я объясняю в «Книге Воды», не существует быстрого способа управления длинным мечом. Его нужно вести широко, а меч-компаньон – узко. Это первое, что нужно понять.

Согласно воззрениям школы Ити-рю, ты можешь победить с длинным клинком, но можешь выиграть бой и с коротким. Иначе говоря, дух школы Ити-рю – дух победы, вне зависимости от вида оружия и его длины.

Лучше использовать два меча, чем один, когда бьешься с толпой, и особенно, когда хочешь взять пленного.

Эти вещи нельзя объяснить в теории. На одном предмете познай десять тысяч. Когда достигнешь понимания Пути воина, не будет ничего, чего бы ты не смог увидеть. Ты должен учиться усердно.

//-- Постижение Пути воина --//

Мастеров длинного меча называют последователями Пути воина. Что касается других военных искусств, тех, кто овладел луком, называют лучниками, тех, кто овладел копьем, – копейщиками, тех, кто овладел ружьем, – снайперами, тех, кто овладел алебардой, – алебардщиками, но мы не называем мастеров длинного меча «длинномечниками» и не говорим о других «короткомечники». Так как луки, ружья, копья и алебарды – снаряжение воина, они, конечно, часть Пути. Овладеть достоинствами длинного меча – значит, управлять миром и самим собой, поэтому длиный меч – основа Пути воина. Таков принцип постижения Пути воина посредством длинного меча. Владея длинным мечом, один человек может побить десятерых. Так же, как один может побить десятерых, сто могут побить тысячу, а тысяча – десять тысяч. В моем понимании Пути воина, один человек равен десяти тысячам, так что этот Путь – полное воинское искусство.

Путь воина не включает другие Пути, такие, как конфуцианство, буддизм, художественное мастерство или танец. Но хотя все это и не является частью нашего Пути, если ты познаешь Путь во всей полноте, ты будешь видеть его во всем. Люди должны совершенствоваться.

//-- Преимущество оружия для воина --//

Есть время и место для использования различного оружия. Наилучшее использование короткого меча в ограниченном пространстве или когда ты расположен близко к противнику. Длинный меч может быть эффективно использован в любой ситуации.

Алебарда короче копья. С копьем ты можешь перехватить инициативу; алебарда – оборонительное оружие. В руках одного из двух человек, равных способностей, копье дает некоторое преимущество. Копье и алебарда имеют свои области применения, но ни то, ни другое не дают преимущества в ограниченном пространстве. Их нельзя использовать для захвата пленника. Они оружие для поля битвы.

Вообще, если ты станешь изучать только «закрытые приемы боя», ты будешь мыслить узко и позабудешь истинный Путь.

Лук имеет тактические преимущества в начале боя, особенно на открытой местности, так как появляется возможность стрелять быстро из гущи копейщиков. Однако он неэффективен при осадах или когда противник удален менее чем на сорок метров. Поэтому нынче мало осталось традиционных школ стрельбы из лука. Это умение сейчас малоприменимо.

При использовании из-за укреплений ружье не имеет себе равных. Это превосходное оружие и на поле боя – до того, как началась рукопашная, но как только скрестились мечи, ружье становится бесполезным.

Одно из достоинств лука состоит в том, что ты видишь стрелу в полете и можешь корректировать прицел, тогда как выстрел из ружья не виден. Рассмотри важность этого.

Лошадь воина должна быть выносливой и не иметь дефектов. Те же требования применяй к оружию. Лошади должны иметь сильный шаг, мечи и мечи-компаньоны должны рубить мощно. Копья и алебарды должны выдерживать сильную нагрузку; луки и ружья должны быть прочными. Оружие обязано быть скорее крепким, чем изящно украшенным.

У тебя не должно быть любимого оружия. Стать слишком зависимым от одного оружия – большая ошибка, чем недостаточное знание его. Не копируй других, действуй по ситуации. Плохо для воинов и военачальников испытывать к чему-либо любовь или неприязнь. Тщательно изучи это.

//-- Ритм в воинском искусстве --//

Ритм в воинском искусстве невозможно понять без длительной практики.

Расчет ритма важен в танце и в духовой либо струнной музыке, поскольку свободный ритм появляется лишь при хорошем чувстве такта. Темп и ритм также соотносятся с военными искусствами, стрельбой из лука и ружья, верховой ездой. Всем искусствам и умениям присущ свой ритм.

Существует ритм во всей жизни воина, в его победах и поражениях, как в гармонии и диссонансе. Похожим образом есть ритм в жизни торговца, в возвышении и крушении царств. Все вещи влекут за собой ритм взлета и падения. Ты должен ясно видеть это. В Пути воина существуют различные соображения относительно ритма. С самого начала ты должен отличать соответствующий ритм от несоответствующего, упражняя внутренний слух, чтобы среди больших и малых вещей, в наплывах быстрых и медленных волн найти нужную частоту, действуя, учитывая дистанцию и ритм окружения. Внутренний слух – главнейшая вещь в Пути воина. Особенно важно понимать ритм фона, иначе твой Путь станет неуверенным.

Ты выигрываешь схватку с помощью ритма Пустоты, рождающегося из верного маневра, опрокидывающего расчеты противника, ибо используешь ритм, которого враг не

слышит.

Все пять книг имеют непосредственное отношение к ритму. Ты должен упорно тренироваться, чтобы воспринять сказанное.

Если ты день и ночь станешь практиковаться в указанной выше стратегии школы Ити-рю, твой дух естественным образом расширится. Путь воина для многих людей. Это впервые описано мной в пяти книгах: Земли, Воды, Огня, Ветра и Пустоты. Вот Заповеди для мужчин, которые хотят изучить мое понимание Пути воина:

1. Не допускай бесчестных мыслей.
2. Путь – в упражнении.
3. Познакомься с каждым искусством.
4. Познай Пути всех профессий.
5. Различай выигрыш и потерю в делах мирских.
6. Развивай интуитивное понимание окружающего.
7. Прозревай невидимое.
8. Обращай внимание даже на заурядное.
9. Не делай ничего бесполезного.

Важно начать с укоренения этих общих принципов в твоем сердце. Без широкого взгляда на вещи тебе будет трудно понять Путь. Если же ты изучишь наши положения и овладеешь Путем, ты никогда не проиграешь даже двадцати или тридцати противникам. С самого начала ты должен укрепить свое сердце на Пути и следовать ему. Ты станешь способен опрокидывать врага в схватках и побеждать взглядом. Посредством тренировок ты также сможешь свободно управлять своим телом, покоряя людей своими действиями, и при достаточной тренированности сможешь сломить волю многих силой своего духа.

Когда ты достигнешь этого состояния, не будет ли это означать, что ты непобедим?

Более того, в масштабе государства высокопоставленный муж сможет умело обходиться со множеством подчиненных, корректно вести себя, разумно править страной и вдохновлять людей на подвиги, таким образом укрепляя достоинство правителя. Если существует Путь, позволяющий человеку, не падая духом, опереться на себя и завоевать честь и славу, то это – Путь воина.

Двенадцатый день пятого месяца,
второй год Сехо (1645).
Симмэн Мусаси посвящает Тэрао Магонодзе

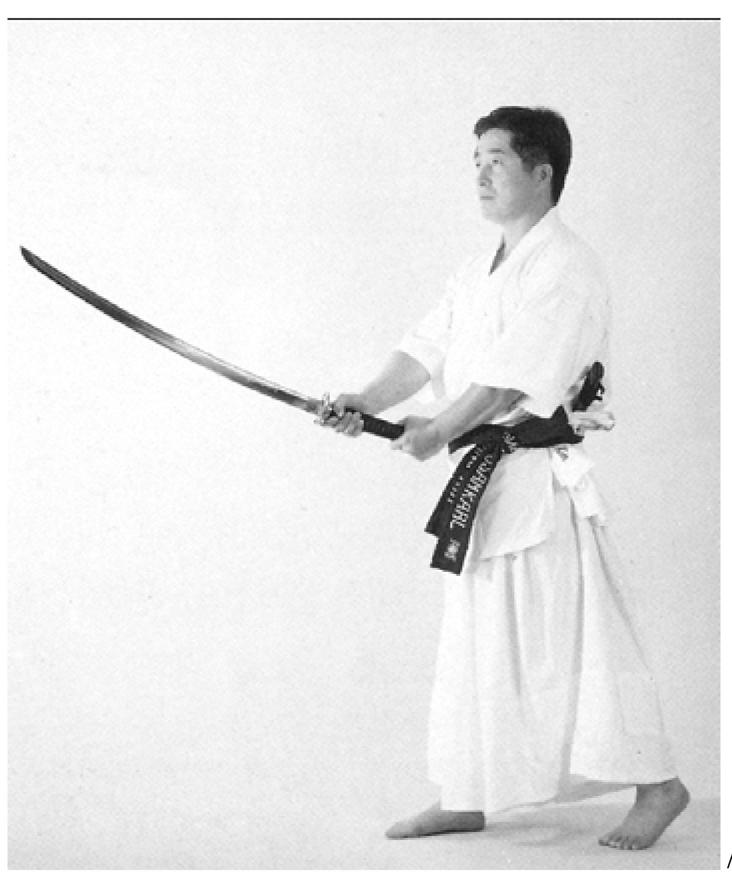
Книга воды

Дух школы Ити-рю основывается на свойствах воды, и эта «Книга Воды» объясняет методы достижения победы посредством длинного меча. Язык ее не изобилует подробными пояснениями, но они могут быть ухвачены интуитивно. Изучай эту книгу: прочтя слово, поразмысли над ним. Если будешь толковать смысл сказанного вольно, ты ошибешься в Пути.

Принципы Пути изложены мной в терминах поединка, но ты должен мыслить широко – так, чтобы достичь понимания битвы, где с обеих сторон – по десятку тысяч бойцов.

Стратегия школы Ити-рю отличается от других систем тем, что если ты хоть немного уклонишься с верного Пути, то подвергнешься опасности и попадешь на скользкую дорогу.

Если ты будешь просто перелистывать эту книгу, ты не постигнешь Пути воина. Впитай сказанное. Не просто читай, запоминая или имитируя, но напряженно изучай, чтобы вобрать знания в свое существо и ощутить принцип собственным сердцем.

//-- Состояние духа --//

В бою состояние твоего духа не должно отличаться от повседневного. И в схватке, и в обыденной жизни ты должен быть целеустремлен, но спокоен. Встречай ситуацию без напряжения, однако не беспечно, с духом уравновешенным, но не предубежденным. Даже когда дух твой спокоен, не позволяй телу расслабляться, а когда тело расслаблено, не позволяй духу распускаться. Не допускай, чтобы тело влияло на дух, и не давай духу влиять на тело. Не будь ни недостаточно вдохновленным, ни вдохновленным сверх меры. Поднявшийся дух слаб, и опустившийся дух слаб. Не позволяй противнику проникнуть в твое состояние.

Низкие ростом люди должны быть знакомы с духом крупных людей, а крупные – с духом маленьких. Каким бы ты ни был, не позволяй себе идти на поводу у собственного тела. С духом открытым и свободным от привязанностей смотри на вещи с высот безмятежного духа. Ты должен взращивать свои мудрость и дух; оттачивай свой ум; понимай меру общественной справедливости, различай добро и зло, изучай Пути различных искусств один за другим. Когда люди не смогут обмануть тебя, ты осознаешь мудрость Пути.

Мудрость Пути воина отлична от прочих вещей. На поле боя, даже подвергаясь опасности, ты должен неустанно следовать принципам Пути воина, укрепляя свой дух.

//-- Боевая стойка --//

Прими стойку с прямой головой, не опущенной и не поднятой, не повернутой в сторону. Твой лоб и брови не должны быть наморщены. Не вращай глазами и не позволяй им мигать, но слегка прикрой их. Контролируя выражение лица, держи линию носа прямо, ощущая, как ноздри слегка раздуваются. Держи затылочную часть шеи прямо: введи энергию в линию волос и затем спусти ее от плеч вниз по всему телу. Опусти плечи, но не выпячивай ягодицы, помести силу в ноги от коленей до кончиков пальцев. Поддерживай внутренности, напрягай пресс, не двигай бедрами. Расположи свой короткий меч вдоль

живота, затяни пояс – это называется «запереть на засов». Поддерживай боевую стойку во всех случаях жизни, сделай ее повседневной. Ты должен хорошо понять это.

//-- Боевой взгляд --//

Взгляд должен быть объемным и широким. У него двойная функция – «восприятия и осмотра». Воспринимай сильно, смотри не напрягаясь.

В воинском искусстве важно видеть дальние вещи как бы вблизи и близкие, словно издалека; важно чувствовать меч врага, но не отвлекаться на его незначительные движения. Ты должен постичь это. Взгляд един и для дуэли, и для крупного сражения.

В стратегии важно уметь смотреть в обе стороны, не двигая глазными яблоками. Ты не сможешь развить эту способность быстро. Изучи то, что сказано здесь, используй боевой взгляд в повседневной жизни и не меняй его, что бы ни случилось.

//-- Как держать длинный меч --//

Возьми длинный меч так, чтобы большой и указательный пальцы были расслаблены, средний палец не должен быть ни напряжен, ни расслаблен, а оставшиеся два пальца – сжаты крепко. Плохо, если руки дрожат.

Поднимая меч, имей намерение зарубить противника. Нанося удар, не изменяй хватки, руки твои не должны «скрючиваться». Отводя меч противника в сторону, или отбивая его, или прижимая вниз, слегка меняй ощущение в большом и указательном пальцах. Ты должен быть всегда устремлен поразить противника, не меняя боевой хватки.

Хватка для боя и для испытаний клинка одна. Не существует такой позиции, как «хватка для удара по человеку».

Вообще, я не люблю фиксированности ни в мече, ни в кисти. Фиксация означает мертвую руку. Подвижность – это жизнь. Держи это в уме.

//-- Работа ног --//

С несколько расслабленными кончиками пальцев твердо ступай на пятки. Быстро ли движешься, медленно ли, большими шагами или короткими, ноги должны двигаться как при нормальной ходьбе. Я не люблю методы передвижения, когда ноги чрезмерно расслаблены или, напротив, теряют подвижность.

Так называемая «нога Инь-Ян» важна для Пути, не двигай только одной ногой.

Спокойно работай левой-правой и правой-левой, нанося удары, отражая их или отступая. Не отдавай какой-либо ноге преимущества.

//-- Пять положений тела --//

Существует пять положений тела: меч над головой, меч перед собой, меч направлен острием вниз, меч направлен вправо, меч направлен влево. Несмотря на различия, единственное предназначение их – атаковать противника. Кроме этих, других положений не существует.

В каком бы положении ты ни пребывал, не старайся фиксировать его; думай лишь об атаке.

Твоя поза может быть широкой или узкой соответственно ситуации. Положения «меч над головой», «меч перед собой» и «меч направлен вниз» – основные положения, когда меч направлен вправо или влево, – вспомогательные. Их используют, когда существует препятствие над головой или сбоку; решение, какую позицию принять, зависит от ситуации.

Сущность Пути в следующем. Ты должен глубоко понять вот что. Положение, когда меч выставлен перед собой, – сердце всех положений. Если рассматривать Путь в широком масштабе, это положение занимает в нем место командующего. Остальные четыре положения тела ему подчиняются. Пойми это.

//-- Путь длинного меча --//

Путь длинного меча означает, что мы способны двумя пальцами вращать оружие, которое обычно носим. Если мы хорошо поймем Путь меча, мы сможем вращать его легко.

Если ты попытаешься вести большой меч быстро, ты уклонишься с Пути. Чтобы меч шел хорошо, ты должен вести его спокойно. Если ты попробуешь двигать им, словно складным веером или коротким мечом, ты совершишь ошибку. Ты не сможешь атаковать человека длинным мечом, применяя технику короткого меча.

Когда ты провел удар длинным мечом вниз, подними его прямо вверх; когда атакуешь

вбок, возвращай меч по боковой траектории. Возвращай меч разумным путем, всегда широко отставляя локти. Веди меч мощно. Таков Путь длинного меча.

Если ты тщательно изучишь пять правил моей стратегии, ты хорошо почувствуешь меч. Ты должен постоянно тренироваться.

//-- Пять подходов к противнику --//

1. Первый подход – начинается с положения «меч выставлен перед собой». Встречай противника концом меча против его лица. Когда он атакует, отведи его меч вправо и «оседлай» его. Или же отрази нападение, отклонив лезвие его клинка ударом сверху. Задержи свой меч там, где он есть, и, когда противник возобновит атаку, нанеси режущий удар снизу. Это – первый совет.

Ты должен упорно тренироваться, используя длинный меч, чтобы изучить пять подходов. Когда ты овладеешь моим Путем, ты сможешь контролировать любую атаку противника. Уверяю тебя, нет других подходов к врагу, кроме подходов школы Ити-рю.

2. При втором подходе из положения «меч над головой» атакуй противника длинным мечом в тот же момент, когда он нападает на тебя. Если противник ушел от твоего удара, задержи свой меч там, где он есть и, атакуя снизу, рази врага, когда он возобновит атаку. Повтори выпад.

Тут существуют разнообразные вариации, зависящие от темпоритма и настроения схватки. Ты сможешь понять их, тренируясь в школе Ити-рю. Ты будешь непобедим при помощи моих пяти методов длинного меча. Тренируйся снова и снова.

3. В третьем подходе прими положение «меч направлен острием вниз», подготовившись к атаке. Когда противник пойдет в атаку, ударь по его рукам. Он может попытаться отбить твой меч вниз. В этом случае полосни по его верхней руке горизонтально с ощущением «пересечения». Это означает, что ты разишь противника из нижнего положения в тот самый момент, когда он атакует тебя. Ты будешь часто использовать этот прием и как начинающий, и как опытный боец. Ты должен тренироваться держать длинный меч.

4. Четвертый подход. Прими положение «меч направлен влево». Когда противник атаковал, полосни по его рукам снизу. Если в этот момент он попытается придавить твой меч, уклонись с траектории его клинка и с ощущением первого удара проведи секущую атаку наискосок сверху от своего плеча.

Таков Путь длинного меча. Этим способом ты побеждаешь, уходя с траектории атаки противника. Ты должен изучить его.

5. В пятом подходе меч находится в положении «меч направлен вправо». В соответствии с ритмом атаки противника переведи свой клинок косым движением в положение над головой. Затем атакуй прямо сверху.

Этот метод существен для полного познания Пути длинного меча. Если ты овладеешь этим способом, ты сможешь свободно вращать тяжелое оружие.

Я не могу подробно описать все варианты применения этих пяти подходов. Ты должен хорошо познакомиться с моим Путем «гармонии длинного меча», затем, изучив широкомасштабное понимание темпоритма, понять ритм перемещений клинка противника и с самого начала привыкнуть к пяти способам атаки. Ты всегда будешь побеждать, варьируя эти методы в соответствии с настроением противника. Ты должен тщательно проработать сказанное.

//-- Защита без защиты --//

«Защита без защиты» отрицает необходимость пользоваться в бою известными положениями тела и меча для защиты.

Но даже и тут положения работают как пять способов держать длинный меч. Как бы ты ни держал меч, он должен располагаться так, чтобы было легко провести атаку противника в соответствии с ситуацией. Из положения «меч, над головой», когда меч твой немного опускается, ты можешь перейти к положению «меч выставленный перед собой», а из него, слегка подняв меч, вновь примешь положение «меч, над головой». Из положения «меч направлен вниз» ты можешь перевести клинок в положение «меч, выставленный перед собой», если того требует ситуация. Соответствуй ситуации. Перевод меча из право– или левостороннего положения к центру утвердит тебя в положении «меч, выставленный перед собой».

Этот принцип называется «защита без защиты». Помни, когда в твоих руках меч, – ты должен поразить противника, чего бы тебе это ни стоило. Когда ты парируешь удар,

наносишь его, делаешь выпад, отбиваешь клинок или касаешься атакующего меча противника, ты должен сразить противника тем же движением. Достигай цели. Если ты будешь думать только о защите от ударов, выпадах и касаниях, ты не сможешь действительно достать врага. Более всего ты должен беспокоиться о том, как провести свой удар сквозь его защиту и достичь цели. Тщательно изучи сказанное.

Такие устремления – залог победы в битвах. Фиксированные положения нехороши. Помни об этом.

//-- Наносить удар стремительно --//

Это означает: когда ты сблизился с противником, атакуй его так быстро и стремительно, как только возможно, не выдавая своих намерений телом, не изменяя духа, пока ты видишь, что враг еще в нерешительности. Атаковать до того, как противник решил, что делать, и есть поразить стремительно.

Неустанно тренируйся, чтобы уметь наносить удар в мгновение ока.

//-- Двойной ритм --//

Ты атакуешь, и противник быстро отходит. Увидев, что он напрягся, симулируй ложную атаку. Затем, когда он расслабится, сокращай дистанцию и нападай вновь. Это и есть двойной ритм.

Трудно постичь суть приема, склоняясь над книгой, но ты скоро все поймешь, руководствуясь краткими наставлениями.

//-- Атака без намерений и замыслов --//

Если противник нападает в тот момент, когда ты сам решаешь атаковать, ударь своим телом, ударь своим духом, ударь из Пустоты своими руками, мощно увеличивая скорость и опережая противника. Это – атака «без намерений и замыслов».

Это – наиболее действенный способ проведения атаки. Он часто используется. Ты должен упорно тренироваться, чтобы понять его.

//-- Атака, подобная потоку воды --//

Атака, подобная потоку воды, используется, когда ты схватился с противником клинок к клинку вплотную. Когда он разрывает контакт и быстро отходит, стараясь нанести стремительный удар своим длинным мечом, собери в единое целое свое тело и дух и бей по врагу немедленно, повторяя его движения, как прибывающая вода. Если ты научишься этому, ты сможешь атаковать наверняка. Тут важно правильно оценить уровень мастерства противника.

//-- Продолжительная атака --//

Когда ты атакуешь и противник нападает тоже, когда ваши клинки устремились навстречу друг другу, одним движением старайся поразить его голову, руки и ноги. Когда бьешь в несколько точек тела врага одним взмахом меча, этот выпад называется «продолжительной атакой». Ты должен отработать этот прием; его используют часто. Непрестанно упражняясь, ты добьешься успеха.

//-- Атака «Огонь из камня» --//

Атака «огонь из камня» означает следующее: когда твой длинный меч и меч противника столкнулись, ты наносишь удар так мощно, как только можешь, не поднимая меч ни на

йоту. Это означает атаковать стремительно руками, туловищем и ногами – все эти части тела участвуют в броске. Если будешь тренироваться достаточно упорно, сможешь добиться сокрушительной мощи удара.

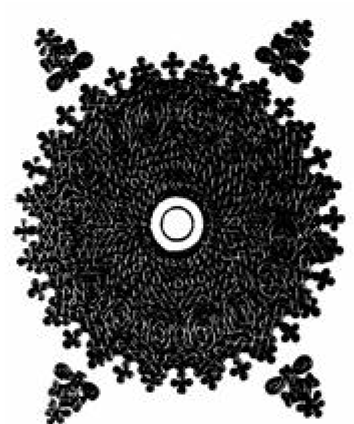

//-- Атака «красный лист» --//

Атака «красный лист» означает намерение сбить вниз меч противника. Когда враг стоит перед тобой, держа меч в одном из положений, готовый атаковать, наносить удары и парировать их, обрушь на его клинок атаку «огонь из камня», действуя в духе «без намерений и замыслов». Если ты собьешь вниз конец его меча и продолжишь принимать его меч кончиком своего клинка, он непременно выронит оружие. Длительные тренировки помогут тебе в будущем. Ты сумеешь обезоружить любого врага. Тренируйся непрерывно.

//-- Тело вместо длинного меча --//

А также «меч вместо тела». Обычно мы приводим в движение тело и меч одновременно, чтобы поразить противника. Однако, в зависимости от метода нападения противника, ты можешь сперва броситься на него только телом, а потом пустить в дело клинок. Если его корпус неподвижен, можешь сначала ударить мечом, но лучше бей телом. Ты должен хорошо изучить практику этой атаки.

//-- Рубящий и режущий удары --//

Рубить и резать – две разные вещи. Рубящий удар, каким бы он ни был, решителен, его наносят с твердым намерением завершить схватку. Режущий удар лишь касается противника. Даже если ты полоснул сильно, и даже если враг мгновенно умер, это «полосование». Когда рубишь, твой дух решителен. Ты должен принять это. Если ты сначала полоснул по ногам или рукам противника, сразу же наноси мощный рубящий удар. Дух режущего удара тот же, что и у касания. Когда ты поймешь это, они станут неразличимы. Хорошо изучи сказанное.

//-- Тело китайской обезьяны --//

«Тело китайской обезьяны» – этот принцип означает не вытягивать вперед своих рук. Это решимость проникнуть за линию обороны противника, нисколько не распрямляя рук до того, как противник пойдет в атаку. Если ты внимателен к тому, чтобы не вытягивать руки, ты находишься на достаточно большом расстоянии от врага. Настраивайся «войти» всем телом. Когда проникнешь в зону поражения рукой, за ней легко потянется тело. Хорошо изучи этот прием.

//-- Атака «прилипание» --//

Прием «прилипание» состоит в том, чтобы срастись с противником и не отделяться от него. Сблизившись с врагом, прочно «прилипни» к нему головой, телом и ногами. Люди склонны быстро продвигать вперед конечности, тело же остается позади. Ты должен прилипнуть к врагу намертво, так, чтобы не оставалось ни малейшего зазора между твоим и его телом. Обдумай это положение.

//-- Борьба за высоту --//

Под «борьбой за высоту» понимается следующее: когда ты сблизился с противником, борись с ним за господствующее положение без страха. Распрями ноги, бедра, втяни шею – надвигайся на него лицом. Когда решишь, что выиграл, мощно «ломай» врага. Подумай о сказанном.

//-- Ощущение липкости --//

Когда противник атакует, атакуй и ты, бей с ощущением липкости и фиксируй свой меч на лезвии клинка врага, гася его атаку. Дух липкости не в том, чтобы нанести мощный удар, а в том, чтобы мечи ваши трудно разъединялись. Тут лучше всего действовать как

можно более спокойно. Различие между «липкостью» и «заваливанием вперед» в том, что первое – источник силы, а второе – слабости. Ты должен понять это.

//-- Удар телом --//

Удар телом означает: достать противника сквозь брешь в его защите. Намерение состоит в том, чтобы ударить его своим корпусом. Слегка отверни лицо и ударь противника в грудь выставленным левым плечом. Подходи с намерением отбросить врага прочь, бей так мощно, как только сможешь, согласовав удар с дыханием. Если ты освоишь такой метод сближения с противником, ты сможешь отшвырнуть его на 3 – 6 метров. Можно бить врага, пока он не умрет. Тренируйся тщательно.

//-- Три способа отразить атаку --//

Вот три способа парировать атаку:

во-первых, отбивать меч противника вправо от себя, как бы целясь в его глаза, когда он наносит удар;

или парировать нападение, отбивая меч противника к его правому глазу с ощущением отсекания его шеи;

или, когда у тебя короткий «длинный меч», не беспокоясь о том, чтобы отвести клинок врага, быстро сближаться с ним, ударяя его в лицо левой рукой.

Вот три метода отражения нападения. Ты должен помнить, что всегда можешь сжать левую руку в кулак и ударить противника в лицо. Поэтому необходимо хорошо тренироваться.

//-- Укол в лицо --//

«Укол в лицо» означает намерение поразить врага в лицо концом своего меча с линии клинков. Если ты собираешься нанести такой укол, значит, лицо и тело противника уязвимы. Когда противник становится доступен, он побежден. Сосредоточься на этой

мысли. Не забывай об уколе в лицо. Ты поймешь ценность этой техники, упражняясь.

//-- Укол в сердце --//

«Укол в сердце» означает следующее: когда в бою возникают помехи сверху или с боков и вообще, когда трудно применить рубящий удар, – коли. Бей в грудь противника, не давая концу своего меча колебаться. Покажи врагу тыльную сторону гарды, отклоняя его меч. Применение этого способа полезно, когда мы устаем или когда наш меч по каким-то причинам не может рубить. Ты должен освоить эту технику.

//-- Отбив --//

«Отбив» означает следующее: когда противник пытается контратаковать, отвечая на твой выпад, ты тут же контратакуешь снизу, как бы нанося укол, стараясь сдержать натиск. Затем в очень быстром темпе наноси рубящий удар. Укол вверх и рубящая атака – такая связка снова и снова встречается при обмене ударами. Способ состоит в том, чтобы соединить рубящую атаку с подъемом меча, когда ты симулируешь укол. Изучай этот способ посредством непрерывной практики.

//-- Щелкающее парирование --//

Под «щелкающим парированием» понимается вот что: когда скрещиваешь оружие с врагом, ты принимаешь его рубящую атаку на свой меч в соответствующем ритме, «щелкая» по его клинку и тут же рубя сам. Смысл не в том, чтобы парировать удар или стукнуть посильнее. Надо «щелкнуть» по мечу противника в ритме с его натиском, изначально намереваясь провести рубящую атаку. Если правильно уловишь ритм «щелчка», как бы сильно ни столкнулись мечи, конец твоего клинка не отклонится назад

ни на йоту. Ты должен усердно заниматься, чтобы понять это.

//-- Много противников --//

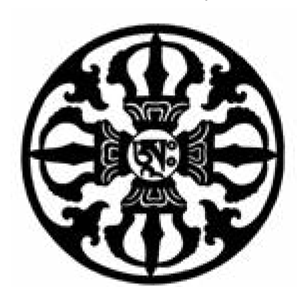
Техника «много противников» применяется, когда ты дерешься один против многих.

Обнажи длинный меч и короткий меч и прими широкую стойку, держа оружие по бокам. Смысл в том, чтобы гонять врагов из стороны в сторону, даже если они нападают со всех четырех сторон. Наблюдай за последовательностью, в которой они нападают, и встречай сначала тех, кто нападают первыми. Широко води глазами вокруг, тщательно изучай порядок нападения, руби попеременно левой и правой руками. Ожидание пагубно. Постоянно быстро восстанавливай свою позицию, наседай на врагов, по мере приближения отбрасывая их в том направлении, откуда они подходят. Что бы ты ни делал, прижимай противников друг к другу, как бы связывая кукан с рыбами, и, когда они оказываются в куче, мощно рази их, не давая им пространства для маневра.

//-- Преимущество в начале боя --//

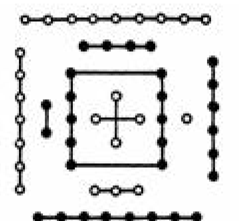
Ты можешь принять на веру, что стратегия Пути меча непобедима, но ее Путь не может быть ясно изложен на бумаге. Ты должен усердно тренироваться для того, чтобы понять, как побеждать.

Истинный Путь меча явлен в использовании меча.

//-- Одна атака --//

Ты наверняка можешь победить в поединке «одной атакой». Трудно обрести это, если ты не изучил Путь воина как следует. Если ты будешь хорошо упражняться на истинном Пути, смысл атаки войдет в твое сердце и ты сможешь побеждать в любом бою. Усердно тренируйся.

//-- Прямой дух --//

Прямой дух передается в восприятии истинного Пути нашей школы Ити-рю.

Описанное в настоящей книге есть искусство фехтования школы Ити-рю.

Чтобы научиться побеждать с помощью стратегии меча, сначала изучи пять положений тела и пять подходов к врагу и впитай естественным образом в свое существо Путь меча. Ты должен понять настроение и темп схватки, естественно управляться с длинным мечом и двигать руками и ногами в гармонии со своим духом. Победив одного или двоих, ты поймешь, что главное в Пути воина.

Изучай содержание этой книги, тему за темой, сражаясь с противником, ты постепенно поймешь принципы Пути.

Осознанно, терпеливо впитывай достоинства учения, время от времени участвуя в схватках. Сохраняй дух Пути, когда бы ты ни скрестил меч с противником.

Шаг за шагом иди по дороге в десять тысяч ли [3 - Ли – мера длины.].

Постигай Путь в течение многих лет и закали в себе дух воина. Сегодня – победи себя вчерашнего; завтра – победишь низких людей. Далее, чтобы справляться с более умелыми, тренируйся согласно этой книге, не позволяя своему сердцу свернуть на боковую дорожку. Помни, если убьешь врага приемом, не основанным на том, чему ты научился, это не истинный Путь.

Если ты постигнешь наш Путь побеждать, ты будешь способен справиться с несколькими десятками человек. Что остается делать? Шлифовать умение фехтовать. А это ты можешь достичь в сражениях и поединках.

Двенадцатый день пятого месяца,

второй год Сехо (1645).

Симмэн Мусаси посвящает Тэрао Магонодзе

Книга огня

Вэтой «Книге Огня» я уподобляю поединок огню.

Прежде всего, люди мыслят узко относительно возможностей Пути воина. Используя лишь кончики пальцев, они знают возможности только движений кистью. Они ставят исход поединка в зависимость от действий своих предплечий, словно складывают веер. Они специализируются в простой ловкости, изучая такие мелочи, как движения рук и ног с учебным бамбуковым мечом.

В нашей школе обучение воина происходит в схватках, в сражениях за собственную жизнь, в поисках смысла жизни и смерти, в дальнейшем изучении Пути длинного меча, в правильном суждении о силе атак и в понимании Пути «острой и тупой сторон» меча.

Малые техники не приносят особенной выгоды, в частности, когда надет полный доспех. Мой Путь воина – верный метод побеждать, когда дерешься за свою жизнь один против пятерых или десятерых. Верен принцип: «один может одолеть десятерых, также как тысяча может победить десять тысяч». Вдумайся в это. Конечно, ты не можешь для ежедневных тренировок организовать по тысяче или десять тысяч человек. Но ты можешь стать мастером боя, упражняясь с мечом в одиночестве. Ты станешь способен понимать замыслы противника, верно оценивать его силы и ресурсы и придешь к постижению того,

как применить Путь воина, чтобы одержать верх над десятью тысячами врагов.

Любой, кто хочет овладеть сущностью моего искусства, должен тренироваться усердно день и ночь. Так он сможет отточить свое умение, стать свободным от своего эго и реализовать свои экстраординарные способности. Он придет к обладанию чудесной силой.

Эти качества – практический результат Пути воина.

//-- Выбор места для поединка --//

Изучи окружающее пространство.

Стой в солнце; то есть прими положение, при котором солнце находится позади тебя. Если ситуация не позволяет этого, держи солнце с правой стороны. В помещениях выход должен находиться за твоей спиной или справа. Убедись, что тыл твой защищен и слева свободно, – справа тебя защищает меч. Ночью, если противника видно, держи источник света за спиной, а вход – справа от себя, в противном случае прими вышеуказанное положение. Смотри на противника сверху вниз, занимай господствующую позицию.

Когда начинается схватка, старайся отжать противника влево, гони его к неудобным местам, поворачивай к ним спиной. Когда противник попадет в плохую позицию, не давай ему оглядеться, а активно тесни и коли. В помещении толкай врага на пороги, косяки, двери, перила, колонны и так далее, опять же не давая ему оценить ситуацию.

Всегда загоняй противника в места с плохой опорой для ног, вбивай в углы и так далее, используя достоинства места для занятия доминирующей позиции. Обдумай сказанное и прилежно применяй на практике.

//-- Три способа опередить противника --//

Первый способ – опередить врага атакой. Он называется «Кен Но Сен» – «нападай».

Второй способ – опередить соперника в момент его атаки. Он называется «Тай Но Сен» – «выжидай».

Третий способ – хорош в обоюдной атаке. Это «Тай Тай Но Сен» – «присоединись и опереди».

Не существует других методов упреждения действий врага, кроме этих трех. Обладай инициативой. Это одна из самых важных заповедей в Пути воина. Извлекай максимальную выгоду из ситуации, ощущай настрой противника, чтобы понять его тактику и поразить. Невозможно описать принцип в деталях.

Первый способ – Кен Но Сен

Атакуя, сохраняй спокойствие и стремительно бросайся вперед. Или, наоборот, подходи с возможно более крепким духом, а когда приблизишься к противнику, перемещай ноги несколько быстрее, чем обычно, сбивая врага с толку и стремительно одолевая его.

Или же со спокойным духом атакуй, ощущая, что ты непрерывно сокрушаешь противника, с начала и до конца. Суть в том, чтобы проникнуть в глубь обороны врага.

Это – принцип «Кен Но Сен».

Второй способ – Тай Но Сен

Когда противник атакует, оставайся невозмутимым, но изобрази слабость. Когда враг приблизится к тебе, неожиданно сделай движение прочь, показывая, что ты собираешься отпрыгнуть в сторону, но бросайся вперед, мощно атакуя, как только увидишь, что противник «заглотил наживку». Это один прием.

Или же, когда противник атакует, напади более мощно, используя преимущество неожиданности. Опрокинь замысел врага.

Это – принцип «Тай Но Сен».

Третий способ – Тай Тай Но Сен

Когда противник проводит стремительную атаку, ты должен атаковать мощно и спокойно, целя в его слабое место и, по мере того, как он станет близок, мощно разя его.

Если же враг атакует спокойно, наблюдай за ним и с телом, несколько расслабленным, присоединись к его движениям, сблизившись. Дальше двигайся стремительно и мощно руби его.

Это – принцип «Тай Тай Но Сен».

Многие вещи невозможно полно объяснить словами. Изучай начертанное. Пользуясь методами опережения, решай ситуации. Не обязательно начинать первым; но, если противник нападает, опережай его. В Пути воина ты побеждаешь тогда, когда опережаешь врага. Тренируйся.

//-- Придержать подушку --//

«Придержать подушку» означает не дать противнику поднять голову.

В поединке не давай противнику вести себя. Веди его сам. Конечно, он будет пытаться навязать свою тактику, но не сможет опередить тебя, если ты не дашь ему такой возможности. Останови врага, когда он собирается атаковать тебя; погаси его порыв, сбрось захват. В этом смысл «придерживания подушки». Поняв этот принцип, ты будешь видеть замыслы врага заблаговременно и подавлять их. Суть в том, чтобы сломить его атаку на слоге «а…», сбить прыжок на слоге «пры…» и поймать удар на «у…».

Важная вещь в искусстве моей школы – подавлять полезную активность противника, поощрять бесполезную. Однако это лишь оборонительная позиция. Прежде всего ты должен действовать сообразно Пути, гася приемы противника, нарушая его планы и, таким образом, прямо контролируя его. Овладев этим принципом, ты станешь мастером в искусстве боя. Хорошо тренируйся, изучай «придерживание подушки».

//-- Переправляться --//

«Переправляться» означает, например, пересечь море через пролив или же одолеть океанский простор кратчайшим курсом. Я думаю, такие ситуации часто встречаются в жизни человека. Случается, ты отправляешься в плавание, несмотря на то, что твои друзья остаются в гавани. Ты знаешь дорогу, знаешь качества своего корабля и преимущества именно этого дня. Когда все благоприятные условия налицо и ветер попутный – отплывай. Если ветер изменится, а ты уже недалек от пункта назначения, смело греби, не пользуясь

парусом.

Если ты постигнешь этот принцип, знай, он применим к повседневной жизни. Всегда думай о переправе в благоприятный момент.

В Пути воина тоже важно «переправляться вброд». Оцени возможности противника и, зная собственные сильные стороны, «проходи бродом» в выгодном месте, как опытный капитан идет по морским путям. Если переправишься наилучшим образом, можешь расслабиться. «Переправляться вброд» означает атаковать слабое место противника и занять господствующую позицию. И в поединке, и в крупном сражении дух этого принципа необходим для победы.

Хорошо изучи его.

//-- Знать время --//

«Знать время» означает оценить диспозицию противника в сражении. Благоприятна она или невыгодна? Наблюдая дух воинов противника и занимая наилучшую позицию, ты можешь вычислить замысел неприятеля и двинуть свои войска соответственно. Ты можешь победить посредством этого принципа, нападая из более выгодного положения.

В дуэли атакуй врага и опережай его сразу же, как только определишь его школу, оценишь уровень мастерства, нащупаешь его слабые и сильные места. Атакуй внезапно, учитывая ритм противника, его тон и темп.

«Знание времени» означает: если твои возможности велики, ты смотришь прямо в корень вещей. Если ты хорошо знаком с Путем воина, ты предугадаешь намерения врага и поэтому будешь иметь много возможностей победить. Глубоко изучи это.

//-- Подавить меч --//

«Подавить меч» – принцип, часто используемый в воинском искусстве. Прежде всего в крупных сражениях. Когда враг разрядил в тебя свои луки и ружья, сложно атаковать самому, если ты тоже занят засыпанием пороха или накладыванием стрел. Суть в том, чтобы атаковать, когда враг все еще стреляет из луков и ружей. Суть в том, чтобы победить, встретив и «задавив» атаку врага.

В поединке нельзя завоевать решительную победу, проводя атаки, следуя за нападающим мечом противника. Мы должны нанести ему поражение в начале его броска, с ощущением затаптывания его ногами, так, чтобы он больше не смог подняться.

Жми телом, дави духом и, естественно, коли и руби мечом. Ты должен быть уверен, что не позволишь противнику нанести удар во второй раз. Это и есть дух превосходства во всех смыслах. Раз добравшись до врага, ты должен не только гореть желанием нанести ему удар, но оказывать натиск на него до полной победы. Глубоко изучи это.

//-- Знать предел --//

У всего есть предел. Дома, тела и враги надламываются, когда их ритм приходит в беспорядок.

В крупном сражении, когда противник надломился, ты должен преследовать его, не давая шанса уйти. Если ты упустишь эту возможность, враг может собраться с силами.

В поединке противник также иногда теряет ритм и надламывается. Не упускай удобной возможности, враг может оправиться и станет осторожнее. Улови момент слабости противника и гони его, нанося мощные удары, чтобы он не мог прийти в себя. Делай только так. Атаки преследования проводятся в жестком духе. Громи врага, чтобы он не мог подняться. Ты должен понять принцип окончательного разгрома.

//-- Стать противником --//

«Стать противником» означает представить себя в положении противника. В быту люди имеют тенденцию думать о воре, обнаруженном и укрывшемся в доме, как о враге, запершемся в укреплении. Однако, представив себя на его месте, мы почувствуем, что весь мир против нас и что выхода нет. Он, запертый, – фазан, тот, кто входит арестовать его, – ястреб. Осознай это.

В крупном сражении люди всегда находятся под впечатлением, что противник силен, и поэтому становятся осторожны. Но если у тебя хорошие воины и ты понимаешь принципы воинского искусства и знаешь, как бить врага, беспокоиться не о чем.

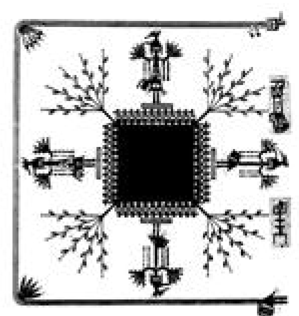
В поединке также ставь себя на место противника. Если ты думаешь: «Вот мастер боя, знающий принципы Пути», – то непременно проиграешь. Глубоко осознай это.

//-- Освобождение четырех рук --//

Этот принцип применяется, когда противники сражаются с одинаковым духом и исход поединка неясен. Откажись от своего стиля и побеждай посредством иного ресурса.

В крупном сражении не сдавайся, поступай, как обычный человек. Немедленно отбрось прежние повадки и побеждай иной техникой, которой противник не ждет.

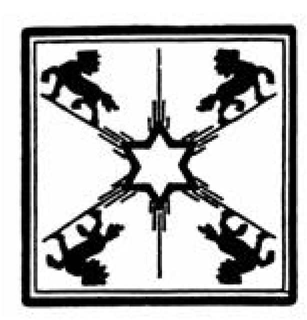
Так же и в поединке. Попав в ситуацию «четырех рук», мы добиваемся победы, изменяя свою тактику и применяя подходящую технику в соответствии с состоянием противника. Ты должен быть способен перестроиться в бою.

 //-- Движение тенью --//

«Движение тенью» применяется, когда дух противника тебе неясен.

В крупном сражении, когда не видишь позицию врага, покажи, что готовишься провести мощную атаку, чтобы обнаружить ресурсы неприятеля. Потом побеждай другим методом.

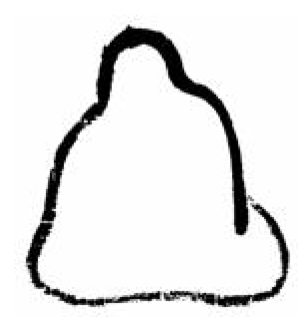
В поединке, если противник держит меч сзади или сбоку, так что ты не можешь понять его намерений, нанеси обманный удар, и противник покажет меч, решив, что понял тебя. Получив выгоду от того, что тебе открылось, ты сможешь победить наверняка. Если будешь небрежен – потеряешь ритм. Исследуй это положение как следует.

 //-- Придержать тень --//

«Придерживание тени» применяется, когда неясен дух атаки врага.

В крупном сражении происходит вот что. Противник начинает атаку, но, если ты покажешь, что собираешься жестко подавить его маневр, он передумает. Ты же, изменив стиль, нанеси ему поражение, опережая в духе Пустоты.

Или же в одиночном бою: придержи сильный натиск противника соответствующим ритмом и побеждай его, опережая при помощи этого ритма. Хорошо изучи это.

 //-- Передача настроения --//

О многих вещах говорят, что они могут быть переданы. Сонливость заражает, зевота тоже может заразить. Передается также и настроение.

В крупном сражении, когда противник возбужден и выказывает склонность к поспешности, не обращай на это никакого внимания. Продемонстрируй абсолютное спокойствие, и противник попадется на это, станет расслабленным. Когда ты увидишь, что твое настроение передалось врагу, накинься на него, мощно атакуй, опираясь на дух Пустоты. В одиночном бою ты можешь победить, расслабив тело и дух. Уловив момент,

когда противник также расслабится, атакуй быстро и мощно, опережая его.

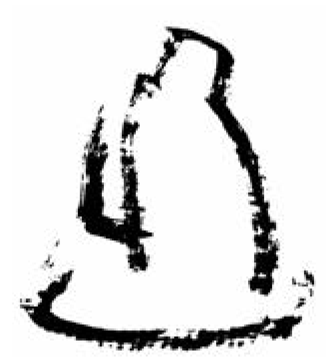
То, что называется «сделать пьяным другого», подобно способу «передачи настроения». Ты можешь также заразить противника духом раздражения, небрежности или слабости. Изучи это хорошо.

//-- Заставить потерять равновесие --//

Многое может вызвать потерю равновесия. Одна из таких причин опасность, другая – напряжение, третья – неожиданность. Исследуй это.

В крупном сражении также важно вызвать потерю равновесия у противника. Атакуй без предупреждения в том месте, где противник не ожидает этого. Пока он не решил, что делать, пользуйся преимуществом и, владея инициативой, наноси ему поражение.

Или же в одиночном бою: начни с демонстрации собственной медлительности, потом неожиданно резко атакуй. Не давай врагу вздохнуть, оправиться от смущения. Пользуйся удобным моментом, чтобы победить. Почувствуй это.

//-- Испугать --//

Испуг часто бывает вызван неожиданными вещами.

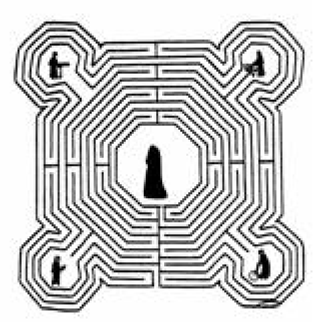
В крупном сражении ты можешь испугать противника не только тем, что ты показываешь ему, но и криками, делая малые силы выглядящими как большие или создавая неожиданную угрозу с флангов. Все это пугает. Ты можешь победить, извлекая выгоду из испуганного ритма врага.

В поединке ты также должен неожиданно пугать противника телом, мечом или голосом, чтобы победить его. Хорошо изучи этот принцип.

//-- Просачивание --//

Когда вы с противником дошли до захватов и боретесь и ты понимаешь, что не можешь продвинуться вперед, «просочись» и стань одним целым с врагом. Ты сможешь победить, применив подходящий прием, пока вы обоюдно связаны.

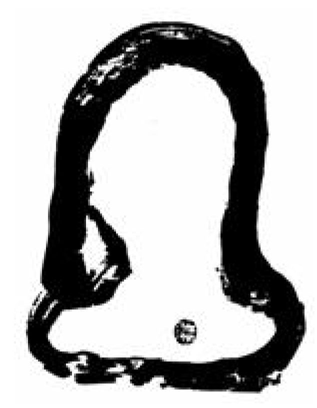
В больших сражениях, так же как и в малых боях, ты часто можешь повернуть дело в свою пользу, «просачиваясь» в ряды войск противника, в то время как, разойдясь, ты можешь потерять шанс на победу. Исследуй это хорошо.

 //-- Раскачивать углы --//

Трудно двигать тяжелые вещи, толкая их «в лоб», поэтому ты должен «раскачивать углы».

В крупном сражении полезно бить по флангам неприятеля. Если фланги повреждены, поврежден дух всего войска. Поражай врага, атакуй, когда фланги пали.

В поединке легко победить, когда противник теряет внимание. Бей в «углы» тела врага, ослабляй его. Важно знать, как достичь это. Проведи глубокие исследования.

 //-- Привести в смущение --//

Это означает заставить врага потерять уверенность в себе.

В крупном сражении мы можем использовать свои части, чтобы сбить врага с толку на поле боя. Наблюдая за духом противника, мы можем заставить его думать: «Здесь? Там? Так? Этак? Медленно? Быстро?» Победа обеспечена, когда враг пойман в ритм, который озадачивает его дух.

В поединке мы можем сбить врага с толку, атакуя разнообразными приемами, когда представляется возможность. Проведи ложный выпад или атаку, заставь врага подумать, что ты хочешь подойти ближе, и, когда он придет в смущение, рази.

Это – суть схватки. Хорошо обдумай сказанное.

//-- Три крика --//

Три крика различаются так: до, во время и после. Кричи в соответствии с ситуацией. Голос – живая вещь, он демонстрирует энергию. Мы кричим при пожарах, против ветра и волн и т. д.

В крупном сражении в начале боя мы кричим громко, как только можем. Во время схватки голос низок, мы кричим, атакуя. После схватки мы кричим в знак победы. Вот три крика.

В поединке мы притворяемся, что сейчас нанесем удар, и кричим «Эй!», чем выводим врага из равновесия, затем в момент крика мы атакуем. Мы кричим после того, как зарубили врага, – это чтобы объявить о победе. Мы не кричим непрерывно, размахивая мечом. Мы кричим во время схватки, чтобы войти в ритм. Глубоко исследуй этот принцип.

//-- Гибкость --//

Когда армии встречаются в сражении, атакуй сильное место противника и, когда видишь, что он отброшен назад, быстро отходи и атакуй следующее сильное место на периферии его рядов. Дух этого принципа похож на извивающуюся горную тропу.

Это важный метод боробы одного против нескольких. Руби противников в одном секторе, отгоняй их назад, потом ухватывай ритм и атакуй следующие сильные точки справа и слева, двигаясь будто по извилистой горной тропе, отмечая перемещения противника. Когда оценишь силы врага, атакуй мощно, без признаков намерения отступить.

В поединке тоже используй этот дух, чтобы поразить сильные места противника.

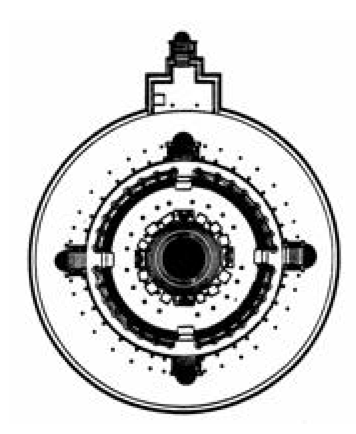
То, что подразумевается под «гибкостью», является сутью сложного комплекса движений. Подходи, рази, не отступай. Ты должен понять этот метод.

//-- Сокрушить противника --//

Круши врага, если сочтешь его слабым.

В крупном сражении, когда видишь, что у противника мало людей или людей у него много, но дух их слаб и смущен, наступай со всей мощью, буквально сокрушай. Не расслабляйся, противник может оправиться. Учись духу сокрушения, собирая энергию в кулак.

В одиночном бою, если противник менее умел, чем ты, если его ритм беспорядочен, если он обороняется или отступает, ты должен крушить его напрямую, не обращая внимания на его действия, не давая ему вздохнуть. Главное – сокрушить врага в один момент. Помни: нельзя дать ему восстановить позицию. Глубоко исследуй этот принцип.

//-- Переход «гора – море» --//

Принцип «гора – море» означает, что в бою плохо повторять один и тот же прием несколько раз. Иногда нельзя не повторить чего-то дважды, но не повторяй этого в третий раз. Если ты провел атаку и потерпел неудачу, мало надежды, что точно такая же атака в следующий раз увенчается успехом. Если ты неудачно применишь прием дважды, меняй метод нападения.

Если враг думает о горах, атакуй как море; если он думает о море, атакуй как гора. Глубоко исследуй этот принцип.

//-- Проникнуть в глубину --//

Порой в бою мы видим, что превосходим врага в технике и тактике, обладая преимуществом Пути, но ощущаем, что его дух крепок. Противник может быть поражен на поверхности, но не побежден глубоко внутри себя. Благодаря принципу «проникновения в глубину», мы можем разрушать дух врага, деморализовать его, изменив наше душевное состояние. Такое часто случается.

«Проникновение в глубину» означает проникновение длинным мечом, проникновение телом и проникновение духом. Этот принцип непонятен в общем виде.

Как только враг сокрушен в глубине, нет нужды оставаться воодушевленным. В противном случае мы вновь должны напрячь энергию духа. Если враг крепок душой, сразить его трудно. Ты должен уметь проникать в глубину и в крупном сражении, и в одиночном бою.

//-- Обновление духа --//

«Обновление духа» применяется, когда в бою возникает ощущение скованности, когда невозможно обычное разрешение ситуации. Ты должен оставить прежние усилия и подумать о ситуации в новом духе, чтобы победить в новом ритме. «Обновится», когда ты

сцепился с противником намертво, означает, что без изменения внешних обстоятельств ты изменяешь свой дух и побеждаешь посредством другой техники.

Необходимо рассмотреть, как «обновление духа» применяется и в крупном сражении. Усердно изучи это.

//-- Голова крысы, шея быка --//

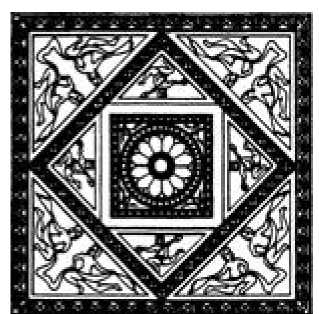
Принцип «голова крысы, шея быка» применяется, когда в схватке одолевают мелочи, когда бой идет в несколько скованном духе. Тут мы должны вспомнить о методе боя, либо являющемся крысиной головой, либо бычьей шеей. От мелочей мы должны неожиданно переходить к большим вещам, чередуя большое и малое.

Этот принцип – один из главнейших в Пути воина. Необходимо, чтобы воин применял его и в своей повседневной жизни. Не забывай о нем ни в большом сражении, ни в поединке.

//-- Знать своих воинов --//

Принцип «знать своих воинов» применяется в любых сражениях.

Используя мудрость Пути воина, думай о войсках неприятеля, как о своих собственных воинах. Когда ты смотришь на врага так, ты можешь двигать им по своему желанию, можешь вести его. Ты – военачальник, твой враг – твой воин. Овладей этим.

//-- Отпустить рукоять --//

Существует много способов, которыми отпускают рукоять.

Есть способ побеждать без меча. Есть также способ держать меч, но не побеждать. Разнообразные методы не могут быть изложены на бумаге. Ты должен прилежно учиться этому.

//-- Стать подобным камню --//

Когда ты овладеешь Путем воина, ты неожиданно сможешь сделать свое тело похожим на камень и десять тысяч вещей не смогут коснуться тебя. Это – тело камня.

Будь неподвижен.

То, что записано выше относительно школы фехтования Ити-рю, было у меня на уме постоянно и записано так, как пришло ко мне. Я впервые пишу о своих приемах. Порядок вещей несколько нарушен. Трудно выразить это ясно.

Эта книга – духовный поводырь для того, кто хочет изучать Путь.

Мое сердце склонилось к Пути воина с юности. Я посвятил себя тренировке рук, закаливанию тела и постижению многих духовных положений фехтования на мечах. Посмотрим на людей других школ, обсуждающих теорию и сосредоточенных на технике рук. На вид они умелы, но не обладают истинным духом ни в малейшей степени.

Конечно, те, кто обучается подобным образом, думают, что они тренируют тело и дух, но эти школы препятствуют постижению истинного Пути, их дурное влияние остается в человеке навсегда. Истинный Путь воина остается без носителей и вымирает.

Истинный Путь боя на мечах – есть искусство поражения врага в схватке и ничто более. Если ты постигнешь это и станешь придерживаться мудрости моего искусства, тебе никогда не придется сомневаться в том, что ты победишь.

Двенадцатый день пятого месяца,

второй год Сехо (1645).

Симмэн Мусаси посвящает Тэрао Магонодзе

Книга ветра

Ввоинском искусстве ты должен знать Пути других школ, так что в «Книге Ветра» я написал о нескольких других традициях.

Без знания Путей других школ трудно понять сущность моей школы Ити-рю. Глядя на другие школы, мы находим такие, которые специализируются в технике силы и применяют сверхдлинные мечи. Некоторые школы изучают Путь короткого меча. Некоторые учат ловкости и большому числу приемов, называя положение меча

«внешним», а Путь – «внутренним».

Они не на истинном Пути, я покажу это в книге – перечислю все их грехи и добродетели, укажу, что правильно и что неправильно. Школа Ити-рю не такова. Взгляните – другие школы превращают свое умение в средство заработка. Их ученики выращивают цветы, ярко расписывают вещи, чтобы продавать их. Определенно, это не Путь воина.

Некоторые из крупных мастеров заняты только фехтованием на мечах. Они ограничивают свои тренировки упражнениями с длинным мечом и отработкой боевых стоек. Но достаточно ли лишь одного умения, чтобы победить? Такова ли сущность Пути?

Я изложил ошибки других школ в этой книге. Изучи их, чтобы осознать достоинства моей школы Ити-рю.

//-- Школы, использующие сверхдлинный меч --//

Некоторые школы предпочитают сверхдлинные мечи. С точки зрения моего Пути – это слабые школы. Они не принимают принципа «рубить врага любыми средствами». Они предпочитают особо длинный меч. Полагаясь на его длину, они думают нанести поражение противнику с расстояния.

Есть выражение: «Один сантиметр дает преимущество в метр». Это – глупые слова человека, который не понимает Путь воина. Они отражают примитивную тактику слабого духа. Человек не должен зависеть от длины своего меча.

Думаю, такие школы имеют право на существование, но в реальной жизни их установка неразумна. Мы не должны проигрывать, если деремся коротким мечом, не имея длинного.

Мастерам этих школ сложно поразить врага в ближнем бою. Траектория клинка велика, длинный меч становится обузой, они попадают в невыгодное положение, по сравнению с воином, имеющим короткий меч.

С давних времен говорится: «Большое и малое – вместе». Так что не испытывайте беспричинной неприязни к особо длинному мечу. Мне не нравится абсолютная приверженность лишь этому виду оружия. Рассмотрим крупное сражение. Представим крупные силы как сверхдлинный меч, а малые – как короткий. Разве не может малый отряд дать бой крупным силам? Существует много примеров тому, как малые силы одолевали большие.

Твое искусство ни к чему, если, будучи вызванным на бой в ограниченном пространстве, ты сердцем будешь привязан к сверхдлинному мечу или тебе придется драться в доме, вооружившись лишь коротким мечом. Кроме того, некоторые люди не обладают достаточной силой.

В своем рассуждении я отрицаю заданность, узкий настрой. Хорошо понимай это.

//-- Сильный дух длинного меча в других школах --//

Ты не должен говорить о слабости или силе длинного меча. Если ты просто вращаешь длинным мечом с сильным духом, твой удар будет груб. Используя меч грубо, победить трудно.

Если тебя заботит сила твоего меча, ты будешь стараться рубить неоправданно сильно и вообще не сможешь поразить врага. Также нехорошо пытаться нанести сильный рубящий удар, когда испытываешь меч. Скрещивая меч с мечом противника, не заботься о том, рубишь ты сильно или слабо; просто руби и убей врага. Всегда стремись убить врага. Не пытайся рубить сильно и, конечно, не думай о том, чтобы рубить слабо, ты должен быть озабочен лишь тем, чтобы убить врага.

Если делаешь ставку на силу, когда бьешь по мечу противника, неизбежно ударишь слишком сильно. В результате твой меч будет «проносить». Поговорка «побеждает сильнейший» не имеет смысла.

В крупном сражении произойдет следующее. У тебя сильная армия. У противника тоже сильная армия. Битва будет яростной и ужасной. Для обеих сторон.

Дух моей школы – побеждать посредством мудрости Пути, не обращая внимания на мелочи. Изучи это хорошо.

//-- Использование более короткого «длинного меча» в других школах --//

Использование более короткого «длинного меча» не есть истинный Путь побеждать.

В старые времена слова «тати» и «катана» означали длинный и короткий мечи. Мужи превосходной силы могут с легкостью управляться даже с очень длинным мечом, так что им незачем любить короткий меч. Они также используют преимущество длины копий и алебард. Некоторые бойцы пользуются более коротким мечом с намерением подскочить и заколоть противника неожиданно, когда он размахивает длинным мечом. Эта склонность дурна.

Нацеливание на момент, когда противник не защищен, носит совершенно оборонительный характер и нежелательно в бою на близкой дистанции. К тому же ты не

можешь использовать метод «проникновения» внутрь обороны врага, когда противников много. Некоторые полагают, что, сражаясь против нескольких противников более коротким мечом, они смогут без помех маневрировать, но им придется непрерывно парировать удары и наконец сцепиться с противником. Это несовместимо с истинным Путем воина.

Путь победить наверняка таков: «води» противника в манере, сбивающей с толку, заставляй его отпрыгивать, держа свое тело мощно и прямо. Тот же принцип приложим к крупным сражениям. Сущность искусства – обрушиться на противника большим количеством и быстро смять его. Изучая тактику других школ, люди относятся к противостоянию, маневру и отступлению, как к обычным вещам. Они привыкают к ним, и враг может легко провести их. Истинный Путь воина прям и честен. Ты должен вести противника и подчинить его своему духу.

//-- Школы со множеством методов использования длинного меча --//

Думаю, в этих школах принято считать, что существует множество методов использования длинного меча для того, чтобы завоевать восхищение новичков. Это – торговля Путем. Это недостойный дух в Пути воина.

Обсуждать различные способы зарубить человека ошибочно. Убийство не Путь человечества. Убийство одинаково для тех, кто имеет навык в единоборстве, и для тех, кто не имеет. Оно – одно, и для женщины и для ребенка, и не существует множества способов убить. Мы можем говорить лишь о таких различных приемах, как укол и движение вниз, но не более.

Поражение противника – есть Путь воина. Нет необходимости во множестве тонкостей.

Конечно, в соответствии с обстоятельствами твой меч может встретить помеху сверху или сбоку, и ты иногда вынужден держать клинок так, чтобы его можно было использовать. Существует пять способов действия мечом в пяти направлениях.

Методы других школ – скручивание руки, сгибание туловища, подпрыгивание и т. п. – не на истинном Пути воина. Чтобы зарубить противника, не нужно вилять кистью или сгибаться в три погибели. Это совершенно бесполезно.

В моей школе я держу свои тело и дух прямыми и заставляю сгибаться и скручиваться противника. Врага необходимо побеждать, атакуя, когда его дух смущен. Хорошо понимай это.

//-- Использование положений длинного меча в других школах --//

Придавать большую важность положениям меча – ошибочно. То, что известно миру как

«положение», применяется, когда нет противника. В дуэли нет и не может быть такой вещи, как «вот вам новый способ делать то-то и то-то». Хочешь, не хочешь – загоняй противника в неудобную ситуацию.

Положение меча предназначено для тех ситуаций, когда ты не собираешься двигаться. То есть при обороне замков, в начале битвы и т. д., или когда ты демонстрируешь намерение не двинуться с места даже при мощной атаке. На Пути боя, однако, ты всегда должен стремиться захватить инициативу и атаковать. Положение – есть дух выжидания. Осознай это.

В дуэлях ты должен сбить противника с места. Атакуй, когда его дух распущен, вводи в смущение, раздражай, пугай его. Воспользуйся его неустойчивым ритмом и побеждай.

Я не люблю оборонительного духа, известного как «положение». Поэтому на моем Пути есть нечто называемое «положение – неположение».

В крупном сражении мы выстраиваем свои войска, держа в уме свои силы, наблюдая за численностью неприятеля и примечая детали поля боя. Это в начале сражения.

Настроение атаковать первым в корне отличается от настроения быть атакованным. Хорошо принять атаку и хорошо отразить ее – все равно, что поставить стену из алебард и копий. Когда ты атакуешь, твой дух должен дойти до такого состояния, чтобы ты был готов рвать из заборов колья и использовать их вместо копий и алебард. Исследуй это.

//-- Фиксирование взгляда в других школах --//

Некоторые школы утверждают, что глаза должны быть сфокусированы на длинном мече противника. Некоторые школы фиксируют глаза на руках. Некоторые фиксируют глаза на лице, некоторые – на ногах и так далее. Если ты будешь фиксировать глаза на этих местах, твой дух может смешаться и твоя тактика будет испорчена.

Объясню подробно. Когда привыкаешь к чему-либо, перестаешь быть привязанным к правилам. Мастера – музыканты, выводящие мелодии, или воины, освоившие Путь, описывающие сложнейшие фигуры своим мечом во всех направлениях, – не фиксируют специально взгляда на каких-либо предметах. Это означает, что они могут смотреть естественно.

На Пути воина, сразившись множество раз, ты сможешь с легкостью оценивать скорость и положение меча противника, а овладев Путем, ты будешь видеть состояние его духа. В Пути воина «фиксирование глаз» означает взгляд в самое сердце человека.

В крупном сражении зоной, куда необходимо направлять свой взгляд, являются возможности врага. «Восприятие» и «Взгляд» – два разных метода. Для воина важно восприятие. «Восприятие» заключается в мощной концентрации внутреннего и внешнего зрения на состоянии духа врага. Наблюдай одновременно за полем боя, следи за развитием сражения, за перемещением войск.

Вот верный способ победить.

В поединке не останавливай глаза на деталях. Как я уже указал раньше, фиксированный взгляд пренебрегает важными вещами, твой дух будет смущен, и победа ускользнет от тебя. Хорошо исследуй этот принцип и прилежно тренируйся.

//-- Использование ног в других школах --//

Существует множество методов использования ног: «плывущий шаг», «прыгающий шаг», «пружинящий шаг», «ступающий шаг», «шаг ворона» и подобные этим методы перемещения. С точки зрения моей школы, все это неудовлетворительно. Я не люблю «плывущий шаг» потому, что ноги всегда имеют тенденцию «плыть» во время схватки.

Ступай твердо.

Я также не люблю «прыгающий шаг», так как он поощряет подпрыгивать и дух. Выше головы не прыгнешь. Подпрыгивать – плохо.

«Пружинящий шаг» пробуждает нерешительность.

«Ступающий шаг» – «выжидающий» стиль, и я особенно не люблю его.

Кроме этих, существуют и другие методы передвижения такие, как «шаг ворона» и другие.

Иногда встречаешь противника на торфянике, болотистой почве, в речной долине, на каменистом грунте или на узкой дороге. Там ты не сможешь прыгать или быстро перебирать ногами.

В моей школе работа ног неизменна. Я передвигаюсь так же, как обычно хожу по улице. Никогда не теряй контроль над ногами. Двигайся быстро или медленно, в зависимости от ритма противника, приспосабливай к нему свое тело не слишком прилежно, не слишком небрежно.

Следить за «ногами» важно и в крупном сражении. Если атакуешь быстро и бездумно, не зная состояния духа врага, твой ритм будет нарушен и ты не сможешь победить. Если, наоборот, наступаешь слишком медленно, то не сможешь воспользоваться паникой противника и благоприятный случай будет упущен.

Ты должен побеждать, в удобный момент настигая неприятеля, не давая ему ни малейшей надежды на восстановление сил. Хорошо практикуй этот принцип.

//-- Скорость в других школах --//

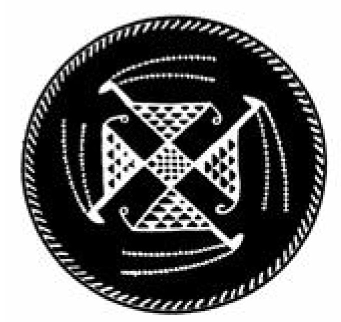
Скорость не является частью истинного Пути воина. Скорость предполагает, что вещи становятся быстрыми или медленными, в зависимости от того, попадают они в ритм или нет. Мастер любого Пути воина не выглядит быстрым. Некоторые люди могут проходить в день огромные расстояния, но это не означает, что они бегут с утра до вечера. Неопытные бегуны могут казаться бегущими целый день, но достижения их жалки. На Пути танца умелый танцор может петь, танцуя, но когда новичок пытается делать то же самое, он сбивается и его дух вянет. Мелодия «Старая сосна», отбиваемая на кожаном барабане, спокойна, но когда за дело берется дилетант, он теряется, его дух становится озадаченным.

Искусные музыканты могут исполнять очень быстрый ритм, но плохо выстукивать его поспешно. Если заторопишься, собьешься с темпа.

Конечно, медлительность тоже плоха. По-настоящему умелые люди везде успевают и никогда не кажутся торопливыми. На этих примерах делай выводы.

То, что известно как скорость, особенно плохо на Пути воина. В зависимости от места схватки, ты можешь оказаться на площадке, где невозможно двигаться быстро. Положение твое усугубится, если в этой ситуации ты будешь вооружен длинным мечом. Ты сможешь попытаться рубить им стремительно, как веером или коротким клинком, но не сумеешь в действительности нанести никакого удара. Осознай это.

В крупном сражении также нежелателен суетливый настрой. Имей настроение как при «придержании подушки», тогда ты успеешь везде. Когда твой противник носится без оглядки, не обращай на него внимания и сохраняй спокойствие. Враг не должен влиять на тебя. Настойчиво тренируйся.

//-- «Закрытое» и «открытое» в других школах --//

В истинном Пути нет ни «открытого», ни «закрытого».

Достижение в каком-либо роде искусства обыкновенно подразумевает наличие тайного смысла и секретной традиции. В некоторых школах существует «закрытое» и так называемые «врата». Я намеренно не называю эти школы. Различные ответвления школ представляют различные интерпретации различных доктрин.

Поскольку взгляды людей несхожи, вокруг одного и того же явления или предмета существует множество идей. Поэтому ни одно мнение отдельного человека не годится для оценки деятельности какой-либо школы.

Я показал основные тенденции во взгляде других школ по девяти пунктам. Посмотрев на них непредвзято, мы поймем, что людям свойственно отдавать предпочтение длинным или коротким мечам и увлекаться силой. Надеюсь, ты осознаешь, почему мне не интересны врата других школ. В моей школе длинного меча Ити-рю нет ни «врат», ни «закрытого». В положениях меча нет тайного смысла. Чтобы уяснить достоинство Пути, держи свой дух открытым истине.

Двенадцатый день пятого месяца,
второй год Сехо (1645). Симмэн Мусаси посвящает Тэрао Магонодзе

Книга пустоты

Путь воина школы Ити-рю записан в этой «Книге Пустоты». То, что зовут духом Пустоты, находится там, где нет ничего. Этот тезис не укладывается в человеческое понимание. Пустота – это ничто. Только познав то, что существует, ты сможешь узнать то, что не существует. Это Пустота.

Люди в нашем мире ошибочно смотрят на вещи, полагая, что все, чего они не понимают, должно быть пустотой. Это не истинная пустота. Это заблуждение.

И на Пути воина обучающиеся военному делу считают, что все, чего они не понимают в своем ремесле, – пустота. Это не истинная пустота. Чтобы обрести Путь воина, ты должен полностью изучить воинское искусство, ни на йоту не отклоняясь от истинного Пути. С установившимся духом накапливай опыт день за днем, час за часом. Полируй обоюдоострые сердце и ум, оттачивай обоюдоострые восприятие и зрение. Когда твой дух не будет омрачен ни в малейшей степени, когда последние тени заблуждений исчезнут, тебе откроется истинная Пустота. Пока ты не осознаешь истинный Путь, ища опору в буддизме или в здравом рассуждении, ты можешь полагать, что все вещи правильны и находятся в гармонии. Однако, если взглянешь на вещи объективно, с точки зрения законов мироздания, ты увидишь различные течения, отклоняющиеся от истинного Пути. Постарайся впитать этот дух с прямотой в качестве основания и истиной в качестве Пути. Применяй Путь широко и открыто. Тогда ты начнешь думать о вещах в широкой перспективе и, приняв Пустоту как Путь, увидишь Путь как Пустоту. В Пустоте – достоинство и никакого зла. Мудрость обладает существованием, Принцип имеет существование, Путь обладает существованием, но дух есть Пустота.

Двенадцатый день пятого месяца,
второй год Сехо (1645).
Симмэн Мусаси посвящает Тэрао Магонодзе

Библиография

1. Rotermund H.O. Die Yamabushi. Hamburg, 1968
2. Adams A. A curriculum for assassins //Black Belt. 1967. January.
3. Повесть о доме Тайра. М.: Наука, 1982.
4. Tale of Mutsu //Ttr. by McCullough H.C. // Harvard Journal of Asiatic Studies. 1964-1965. № 25.

5. Musashi Miyamoto. A Book of Five Rings /Ttr. by V. Harris. Woodstock – New York, 1974.
6. Спеваковский А. Б. Самураи – военное сословие Японии. М.: Наука, 1981.
7. Гэндзи-обезьяна. Японские рассказы XIV-XVI вв. /Пер. с яп. М. В. Торопыгиной. СПб.: Академический проект, 1994.
8. Мещеряков А. Н. Герои, творцы и хранители японской старины. М.: Наука, 1988.
9. Mifune K. Canon of Judo. Tokyo, 1960.
10. Сказание о Ёсицунэ /Пер. А. Стругацкого. М., 1984.
11. Steenstrup H. Hojo Shigetoki (1198-1261) and his Role in the History of Political and Ethical Ideas in Japan. London-Malmo, 1979.
12. Collcutt M. Daimyo and daimyo culture / Japan. The Shaping of Daimyo Culture (1185-1868) /Ed. by Yoshiaki Shimizu. Washington, 1988.
13. McCullough H. The Taiheiki /A Chronicle of Medieval Japan. Colombia University Press. New York, 1959.
14. Soulie B. Japanese Art of Loving. Fribourg-Geneve: Liber SA, 1983.